

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСА
ХЕЛЛ

МОЙ МИР

АМА ЗОНА

Алекса Хелл
Ама зона. Мой мир
Серия «Раскол», книга 1

<https://litres.ru/73942548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь лет из Бейры готовили идеальное оружие Колыбели, но один день показал, что она лишь пешка в чужой игре.

Теперь ей необходимо проникнуть в стан врага, изучить чужой мир и спасти свой, но для этого ей необходима помощь врага.

Она клинок, заколенный в боли, а он Слепец с другого острова. У них нет почти ничего общего, но они нужны друг другу. Два воина. Два лжеца. Два жаждущих спасения своих миров человека. Чем грозит их временный союз?

Первая часть трилогии.

Содержание

Глава	4
Пролог	6
Часть 1 Глава 1	14
Глава 2	39
Глава 3	59
Глава 4	70
Глава 5	83
Глава 6	96
Глава 7	113
Часть 2 Глава 1	129
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Ама зона. Мой мир

Глава

Дорогой читатель.

Прежде чем вы начнёте знакомство с историей, уделим немного времени предупреждениям.

Данная история - полностью авторский вымысел. Ни острова, ни народы, ни законы, описанные в ней, не существуют в реальности. Даже упоминания Амазонских лесов и водопада творчески переработаны и служат лишь фоном для вымышленного мира.

Перед вами первая часть трилогии.

Не сказка о любви.

Не история о борьбе добра со злом.

Не о добряках и не о светлых душах, которые спасут мир от тьмы.

Не об Амазонках из мифов Древней Греции.

Перед вами история о выживании, борьбе и одержимости той или иной целью. Мораль походит на хамелеона, меняющего окрас с серого на чёрный. Герои сложные, живые, сильные, но физически и морально пропущенные через мясорубку. Они никому и никем не обязаны и будут действовать в своих интересах.

Произведение содержит материалы, не рекомендованные лицам младше 18 лет. Здесь вы встретите жестокость, насилие, как физическое, так и психологическое. Откровенные сцены и многое другое, что может побеспокоить или ранить вас. Берегите себя.

Если готовы, добро пожаловать в мир Бейры. Удивительный, красивый, но жестокий и...живой. Для неё так точно.

Пролог

Тепло никогда не покидает меня. Оно везде. В тяжёлом, влажном воздухе, который пахнет сладостью моего мира. В мягком мхе, пружинящим под босыми ногами. В крови и шкуре пойманной добычи, которой не повезло встретить меня на своём пути. В моём сердце, которое бьётся ради защиты острова, который стал домом не только для меня. Тепло везде и всюду. Даже в тяжести копья в руке и в луке за моей спиной.

Я стою на краю утёса и смотрю вдаль, любуясь подаренным мне миром. Зелёное дышащее одеяло из деревьев и разнообразных растений укрыло землю и защищает её от опасности. Вдалеке виднеются ржавые кости былой цивилизации, которую раньше называли мостом. Когда-то подобные строения использовали для того, чтобы перебраться с одной стороны на другую, теперь же они были обвиты корнями и оплетены лианами, которые медленно, год за годом, утягивают сталь и бетон в землю. Внизу, где люди когда-то гоняли металлических зверей и пили воду из труб, уже давно не было дорог. Там спал лес. Он отдыхает и дышит, и я дышу с ним в одном ритме. Ритме моего мира и сердцебиения.

Мать говорит, что прежний мир рухнул не за один день. Он умирал медленно. Я знаю эту историю с тех пор, как впервые взяла в руки древко для обучения. Эту историю шепчут

у вечернего костра, её вырезают на высушенной коре, её поют хором, когда девочек принимают в Колыбель и когда они становятся Защитницами. Мы зовём то время «Эпохой слепоты», а тех, кто совершал ошибки - Слепцами.

Они строили башни из стекла, металла и бетона, которые царапали небо и давили своим грузом на источник жизни - землю. Слепцы хотели долететь до звёзд, прорыть тоннели под землей, причинив ей боль, загрязнить воздух и лишить землю возможности дышать, забетонировав её ради дорог. Слишком много боли Слепцы причинили миру, и настал день, когда тот устал и заплакал огненными слезами.

Мама рисовала мне эту трагедию углём на глиняной плитке: огненный дождь, который плавил камень, металл и стекло, дороги и железных зверей. Весь мир превратился в одну огромную, необъятную, кровоточащую рану, но у него хватило сил на прощение и подарок в виде ещё одного шанса для человечества. Выжили лишь те, кто услышал шёпот земли, понял свои ошибки и ушёл глубоко в лес. Но даже среди тех, кому удалось избежать кары, нашлись неисправимые Слепцы.

Многие мужчины считали, что сила в том, что можно возвести до небес, укрепить металлом, украсить стёклами, забетонировать, залить нефтью и химикатами, извергнуть в воздух и водоёмы, загрязнив их. Они не перестали делать попытки вернуться к прежней жизни. Слепо и эгоистично возводили новые здания, уничтожая леса, прокладывали новые

дороги, перекрывая питательную почву бетоном, налаживали работу электрических приборов и заводов, не видя того, что природа уже дала всё, для того чтобы жить в гармонии с ней. Они продолжали пить из труб, так как не знали волшебного вкуса дождевой воды. Они ничего не поняли с первого раза. Гнали своих железных зверюг, которые ревели громче грома. Строили, делили, убивали, крали, запрещали, вершили суд. Они заливали землю кровью и грязью ещё пару лет, пока мир не решил преподать новый урок.

Мир больше не плакал. Он взревел, и земля содрогнулась. По ней побежали трещины, а реки и моря разлились по ним, поглотив все ничтожные попытки Слепцов возродить былой мир, к которому они так привыкли. Огромный кусок живописного уголка планеты отделился от бывшего мира и подарил мне дом.

Никто точно не знает, сколько ещё таких кусочков существует, но мама считает, что наш точно не единственный. Она застала то время, когда природа восстала. Корни дробили асфальт, лианы душили высотки, сталь ржавела, стекло осыпалось, а зелень не спрашивала разрешения и прорастала сквозь трещины. Природа обезопасила себя и поставила Слепцов на колени.

Мир погрузился в тишину, избавившись от машин. Воздух с годами стал значительно чище, зелень гуще, а солнце ярче.

«Мы - хранители тишины, - шептала мама, расчесывая

мне волосы в детстве. - Живём тихо, чтобы не разбудить призраков Эпохи слепоты, и ценим дары природы. Более того, мы их защищаем от Слепцов, которые ещё живы. После того как станешь Защитницей, я расскажу тебе больше».

Я с детства слушала истории о глупых людях, которые не ценили мир. С детства лелеяла мечту - стать Защитницей, ведь только им можно было покидать территорию Колыбели, исследовать мир, общаться с природой по ту сторону границы и очищать земли от оставшихся Слепцов.

Наш материк настолько велик, что ему хватило места и души на то, чтобы вынести груз в виде поселений Слепцов. Мужчины часто совершают попытки напасть на нас. Живут в руинах былой цивилизации и используют орудия, которые пыталась уничтожить природа. Вот моя цель, как и всех Защитниц Колыбели. Очищение. Мать объявила о том, что её дочь, будущий вождь нашей общины, сделает то, что ещё не удавалось никому прежде. Положу конец войне.

Я уничтожу заразу, разлагающуюся в руинах. Пущу стрелы в сердца тех, кто слеп. Они не понимают намёков, живут как хотят и забирают наших девушек и женщин, которых смогли одолеть. Со мной у них мало шансов, ведь я дочь вождя. Дочь Колыбели. Защитница, хоть еще и не признанная. Я оружие мира и глаза природы. Мне хватит сил для того, чтобы защитить свой мир.

Я знаю, что раньше женщин считали слабыми, но прежнего мира больше нет. Мы знаем, какой корень может утолить

голод, а какой убить. Мы стражи тишины и природы. Мы можем родить, выкормить и защитить наших детей. А мужчины... их сила оказалась хрупкой. Пока они оплакивали свою прежнюю жизнь, искали спасения за бетонными стенами, мы учились. Учились слушать лес, бить в цель, учились не брать лишнего. Так началась Эра зелёной тишины.

Я провела пальцем по древку копья и бросила взгляд в сторону Руин, сокрытых за кронами деревьев. Я знаю, кто я и кем должна стать сегодня ночью. Знаю каждый закон и растение. Знаю, что мальчиков после рождения отдают отцам в Нору, а девочек оставляют в Колыбели. Знаю, что мужчина - это семя, а не оружие, и, что Слепцы настолько же опасны, как и яд, которым пользуются мужчины, чтобы завладеть твоим сердцем.

Я крутанула копье и отвернулась от мира, который ждал меня, и направилась к костру. Мама говорит, что старый мир был уродливым, гнилым. Слепцы лгали, использовали, насмехались, уничтожали и убивали друг друга просто так. Повсюду воняло смертью и болью.

Но почему тогда, когда ветер дует со стороны Руин, я чувствую запах не гнили и пепла... а чего-то манящего? Запаха, от которого по коже бегут мурашки, словно кто-то шепчет мне на ухо и зовёт.

«Иди ко мне» - слышу то, что приносит ветер со стороны Руин. Я всегда тихо отвечала, что пока не готова, пока не могу, но сегодня. Сегодня я стану Защитницей и отзовусь не

шёпотом, а криком. Криком той, что очистит мир и избавит мир от Слепцов.

Вчера разведчицы вернулись с западной тропы не с пустыми руками, а с наконечником от стрелы, но не нашим. Старый металл заточен так, что резал одним своим видом и он не был обмотан кожей или растительными волокнами, как наши. В основании была вязкая липкая, неизвестная нам чёрная жижа.

Мать молчала, совет шептался, старшие сёстры, уже ставшие Защитницами, переглядывались, а я смотрела на наконечник и чувствовала, как под рёбрами шевелилось не только желание найти и уничтожить владельца, но и узнать о темных технологиях прошлого.

Ветер усилился, и лес будто зашипел на меня, шуршанием листвы. Скорее всего, это было предостережение для меня. Нельзя интересоваться тем, что ты должна уничтожить. Нельзя... но, что делать, если так сильно хочется узнать о том, что делало людей Слепцами?

Усилив хват на копье, ускорила шаг, спускаясь по камням в рощу. Звезды уже выстроились на ночном небе и ждали моего становления.

Защитница... Наконец-то.

Часть 1 Глава 1

Добравшись до Колыбели, я не сбавила шаг. Мне уже не терпелось стать Защитницей и получить доступ к огромному миру, поэтому я не собиралась медлить. Босые ступни скользили по утрамбованной грязи, пропитанной дымом и мокрой хвоей, а впереди сквозь сумрак проглядывались огни. Колыбель представляла собой большое поселение, скрытое в лесной долине. Повсюду костры плевались искрами и стояли хижинки из шкур животных, веток и листьев. Мой дом. Мой мир.

Здесь мы с сёстрами росли и учились. Здесь я впервые взяла в руки учебное древко, нанесла первый удар, сделала свой личный лук и копьё. Воздух был тяжёлым и густым, а множество огоньков мельтешили перед глазами, как и мои маленькие сестрёнки. Они шныряли меж хижин и костров. Босые, звонкие, живые и счастливые гоняли друг друга, визжали, спотыкались о корни, падали, поднимались и бежали снова. Я кивала каждой, быстро пробираясь в глубь поселения. Времени поболтать не было.

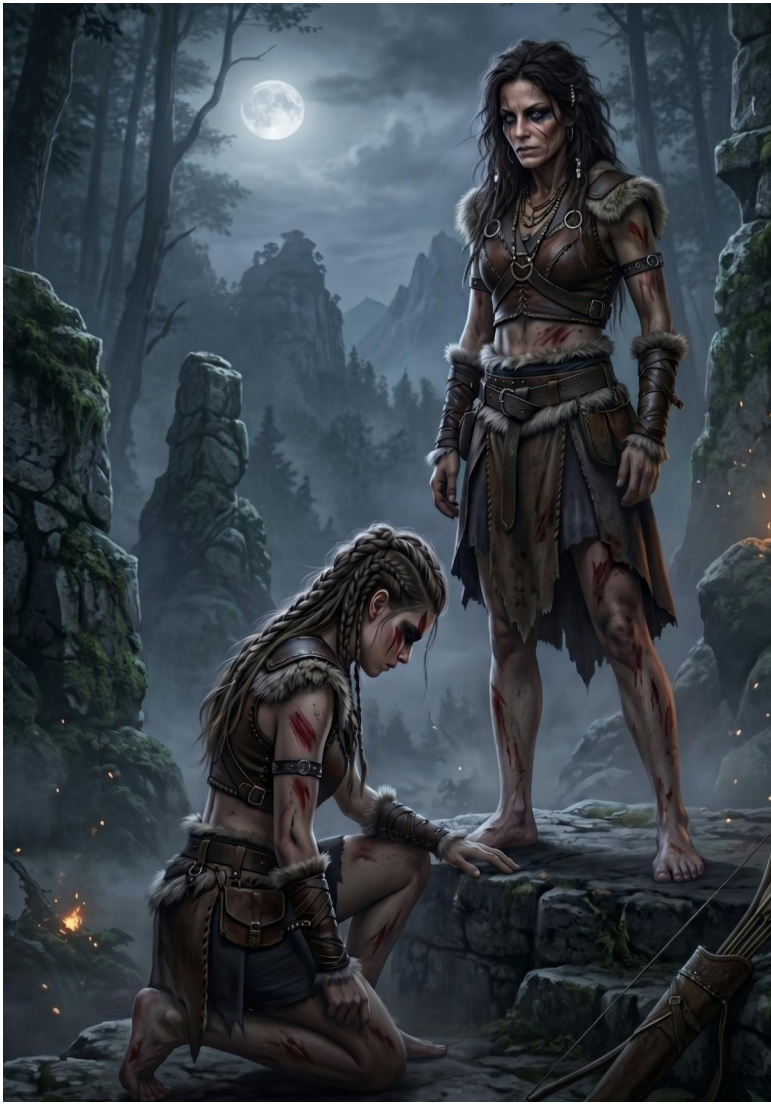
Добравшись до огромного дерева, которое служило как сердцем Колыбели, так и домом моей матери, бегло осмотрелась. Ствол древа был необъятным, а густая, пышная крона походила на корону из ветвей и листьев. Я знаю лес от и

до, но такого величественного стража никогда не встречала.

Чуть дальше, вокруг пылающего костра, пожирающего просмоленные бревна, выстроились женщины и девочки. Никто не сидел. Все стояли. Плечи напряжены, взгляды прикованы к помосту из утрамбованной глины и переплетённых корней, на котором стояла мать, но я видела не её, а вождя.

Рядом с ней застыл Совет: три старейшины, чьи лица пересекали шрамы, как трещины на пересохшей земле. За их спинами, ровным строем, выстроились старшие Защитницы. Копья воткнуты в землю острием вниз, а взгляды прикованы ко мне. Напряжение так и летало в воздухе, но я не дрогнула, хоть сердце и колотилось так же ритмично, как и ладони девушек по барабанам. Этот магнетический ритм всегда вводил меня в транс. Хотелось начать танцевать и кружиться вокруг костра, но для этого было необходимо пройти испытание.

Я шагнула в круг, выложенный из мелких камней, прямо перед вождем, и упала на одно колено, приложив кулак к сердцу и склонив голову.

Музыка резко стихла и повисла тишина. Лишь шелест листвы и треск поленьев служили мелодией, которую спустя пару ударов сердца, приглушил голос.

- Ночь короче, чем может показаться. Нападения Слепцов участились. Они слишком активно пытаются пробраться в Колыбель и осквернить её. Мужчины жаждут забрать наших сестёр и сделать из них рабынь, которое будут согревать их по ночам. Они хотят изуродовать мир и нас. Наши сёстры, которым удалось сбежать, теперь навсегда останутся со шрамами не только на их сердцах, но и на коже. Вы видели и знаете, что они делают с женщинами. Они не люди. Больше нет.

Ногти царапнули земли, а пальцы сжались в кулак. Перед глазами встал образ Табики. Я опоздала. Слишком поздно узнала о том, что её похитили Слепцы. Я вырезала всех, кого нашла, когда увидела изуродованное лицо сестры. Эти нелюди сделали разрезы от уголков её губ и довели линии до ушей. Надругались, заставили страдать и пытались запустить в неё через семенной мост своё семя. Я отрезала их мосты с корнями и запихнула в глотки. Лишь женщина может решать, от кого и когда получить семя для зарождения новой жизни в своём чреве. Почти никто кроме нас с Табикой не знает о том, что я нарушила правила и вышла за дозволенные границы Колыбели. Никто не знает, что она выжила, лишь благодаря мне. Это наша маленькая тайна. Одна из.

- Земля недовольна. Мы слышим это в гудении корней, чувствуем в воздухе и ощущаем кожей. Природа подарила нам дом, и мы обязаны ей жизнью. Она защищает нас, но взамен просит о том же. Мы её Защитницы. Она наша мать. Мы - копьё и стрелы, которые она держит в руках.

Совет одобрительно зашептался, как и сам лес шелестом листвы.

- Закон прост. Защитница Колыбели, самой природы и нового мира, дарованного нам, должна обладать определёнными навыками. Она должна уметь слышать лес, видеть следы и наносить точный удар прямо в сердце, которое качает не кровь, а гниль прежнего мира. Защитница, скрывающаяся в тени, должна разить с первого удара, так как если последует второй, время будет упущено, как и шанс очистить землю от следующего врага. Мы убиваем быстро, хладнокровно и не контактируем со Слепцами. Их речи это яд. Вчера мы поймали одного, а сейчас - раздался щелчок пальцами. - Выпустили пленника в лес. Пусть бежит. Пусть чувствует, как земля отворачивается от его шагов, а будущая Защитница дышит в спину. У тебя ночь, дочь Колыбели.

Голос вождя стал тише, но каждое слово побуждало меня к началу охоты, лучше любого крика.

- Выследи. Настигни. Убей. Принеси его глаза. Они слепы. Принеси язык. Он извергает яд. Принеси навеки замершее сердце, доказывающее, что время Эпохи слепоты кануло в Лету и её ритм больше никто не услышит. Только тогда ты

вновь встанешь в круг, земля примет твоё подношение, и ты станешь Защитницей.

Повисла тишина. Даже поленья едва потрескивали, боясь спугнуть момент. Я видела краем глаза, как маленькие сестры жмутся к матерям, как они затаили дыхание. Каждая из них мечтает вырасти и встать на моё место. Но сегодня... оно только моё.

- Ты готова, Бейра?

Я подняла голову и, устремив взгляд на вождя, оскалилась. Мать знала, как я ждала этого дня и насколько сильно во мне горела жажда охоты. Острая, холодная, требовательная.

- Как никогда.

Мать и вождь улыбнулись мне одной улыбкой на двоих. Костёр вспыхнул с новой силой, а ветер рванул вверх, подхватив искры и швырнув их в сторону леса. Там, в темноте, меня уже ждали.

Ритуал начался.

Граница Колыбели не отмечена столбами, рвами или кольями. Она ощущается так же, как и изменения в воздухе перед началом грозы. Я переступила невидимую черту и с наслаждением сделала вдох. Запах костра, выделанных шкур и пота исчез, зато появился другой. Пахло сыростью с при-

вкусом ржавчины на языке и сладковатой гнилью. Лес становился гуще с каждым шагом, а тени непроглядней, но мне это не мешало.

Ветер нежно коснулся кожи, и я прикрыла на миг глаза. Как же хорошо... Мой новый комплект одежды сидел как влитой. Мягкий, но прочный лиф из множества слоёв кожи позволял дышать полной грудью, которая к восемнадцати годам заметно стала больше. Нижняя часть была удобна и практична. Длина лепестков из кожи, наложенных друг на друга поверх пояса, доходила до середины бедра и не стесняла движения. Новый колчан под стрелы был ещё вместительней, что радовало как никогда. Меня ждал большой мир, и я должна была быть готова ко всему.

Я опустила на одно колено и осмотрела свежий след. Глубокий, неровный, с провалами в мокрой земле на левом отпечатке. Слепец был ранен или хромотал. Я провела ладонью по вмятине, ощутив прохладу. Земля всегда хранит историю и в этот раз не подвела. Хвойные иголки и листья вдавлены с силой. Слепец бежал и вбивал стопы в землю изо всех сил.

«Не торопись. Лес покажет путь тем, кто умеет слушать и видеть, а не топтать и уничтожать».

Слова матери вынырнули из глубин памяти, будто я могла забыть хоть один урок и нуждалась в напоминании. Я поднялась и скользнула взглядом по стволу гигантского дуба. Кора содрана на уровне груди, чуть дальше виднелась сломанная

ветка папоротника, на кончике которой висела белая нитка, но не паутины. Ветви кустарника были прижаты к земле и безжалостно сломаны.

Я оскалилась и направилась по следу Слепца. Как можно так безжалостно относиться к природе? Ломать и крушить живые ветви без надобности. Даже для возведения хижин мы используем ветви тех деревьев, которые отжили своё. А он... в попытке спасти свою жалкую жизнь обломал косточки живого растения. Слепцы и правда ужасны.

Босые ноги считывали каждую кочку, каждый корень. Я сорвалась с места и бесшумно понеслась за добычей. Кожа на ступнях была загрубевшей, но всё же чувствительной. Она читала землю, как матери читали звёзды дочерям. Пробежав мимо ещё одного дерева, заметила следы, смотрящие прямо в ствол. Здесь он остановился. Скорее всего, упёрся руками и лбом в ствол и пытался отдышаться. Там, меж двух деревьев, Слепец развернулся и начал петлять, пытаясь сбить меня со следа. Надежда или тупость? Неважно. Мне это только на руку, так как паника оставляет больше следов, чем уверенность.

Ветер свистел в ушах, глаза считывали каждую деталь, ноги не успевали утопать в земле и оставлять глубоких следов, так как я не топтала и разрушала, а бережно использовала землю в качестве помощницы. Она кормит меня, я защищаю её. Мы едины. Одно целое.

Мысли медленно потекли в сторону Руин и Слепцов. По-

чему они цепляются за мёртвое? Я видела один лагерь: груды ржавого металла, стены из потрескавшегося бетона, куча разнообразных Дурашек, как мы называем странные вещи из их мира. Пустота и грязь...

Мать никогда не говорила точное количество лет, прошедших с момента её обоснования в Колыбели, но по её словам, я родилась здесь, а значит, больше восемнадцати. Что касается катастрофы, тот огненный дождь обрушился на мир в две тысячи тридцать седьмом году. Когда я спросила, сколько лет назад это произошло, мать отмахнулась, сказав, что перестала вести учёт годам, так как они стали не важны, но примерно лет сорок назад.

В связи с этим многие вещи ещё не сгнили и не исчезли без следа. На вылазках разведчицы часто находили разные Дурашки и приносили вождю, чтобы узнать об их происхождении и предназначении. Мама знала всё, так как помнила прежний мир, как и Совет. Когда они были в хорошем настроении, мы с сестрами могли получить не пару слов, а целый рассказ о том, что за вещица оказалась перед нами и как её использовали. Взрослые называли всё это гнилью, а мы Дурашками, так как выглядело всё очень странно. Стекляшка со стрелками внутри и ремешками по бокам, нити с бусинами, тонкие пишущие палочки, кучка облаков, которую мама назвала ватой, металлический круг с ручкой, названный сковородкой, и многое другое. Сестры смотрели на всё с лёгким страхом, мать и Совет с отвращением, а я... с лю-

бопытством.

Ветер со стороны Руин всегда приносил мне не только запах металла, гнили и пыли, но и шёпот. Тихий, но навязчивый. Тот самый, что звал меня с самого детства. Я ненавижу Слепцов, особенно после того, как увидела, что они сделали с Табикой, но Дурашки... Они были моей слабостью. С ранних лет я видела лишь зелень, землю и костры. Училась убивать и защищать Колыбель. Я люблю свой мир, но... меня манит неизвестность, пусть я и знаю, что она погубила прежний мир.

Впереди хрустнула ветка, и я замерла, откинув все лишние мысли. Дыхание замедлилось, сердцебиение тоже. Воздух загудел от напряжения, как натянутая тетива. Птицы умолкли, и даже ветер утих. Я медленно подняла голову и впилась взглядом в тень, метрах в пятидесяти от меня. Она склонилась над грудой камней, поросшей мхом и ядовито-зелёным лишайником, и тяжело дышала. Слепец.

Высокий, сутулый, подпрыгнул на месте, когда наступил на левую ногу, подтвердив то, что она повреждена. Мужчина был одет в лохмотья своего мира. Изодранная футболка и штаны с оторванной наполовину штаниной. Моя цель упиралась руками в камень и закашлялась. Звук был хриплым, мокрым и с привкусом крови. Измотанное, напуганное, раненое создание... Видеть противно. И вот подобные ему, когда-то считались сильными? Правила и были в состоянии защитить женщин и детей? Возможно, когда-то, но я видела

ничтожество. Слабака. Слепцы смелые только когда в стае, как я убедилась, а поодиночке...

Будто услышав мои мысли, мужчина обернулся. Лицо было скрыто под слоем грязи, но не как моё. Мазки на моем лице позволяют маскироваться, чтобы кожа не сияла в свете луны и звёзд, а его... Он, кажется, просто рухнул в грязную лужу, пока продирался сквозь лес. Цвет глаз я не могла разобрать, но в них чётко улавливались усталость и страх. Взгляд мужчины прошерстил по ночному лесу, как раз там, где стояла я, но он был слеп и не увидел опасность, посчитав меня тенью. Шумно вздохнув, человек заковылял вперёд, в сторону тропы, ведущей к Руинам.

Он идёт домой. К мёртвым стенам. Туда, куда я прокладывала себе путь с детства. Я медленно выдохнула и потянулась за луком, но затем замерла. Правила Колыбели я чту, но тот, что велит убивать одним ударом, обхожу стороной. Стрела в сердце слишком скучно. Вжух. И ты труп. Я бы сочла оскорблением столь скучную смерть. Если и умирать, то красиво. Ощущая всё до последней капли. Жажду, силу, вес копья, оглушительный рёв крови, запах пота и страха твоего врага. Всё.

Я не побежала, а начала скользить по земле, огибая стволы, пригибаясь под раскидистыми ветвями и перепрыгивая через корни. Лес, как и всегда помогал мне, отчего я слегка улыбнулась. Тени деревьев скрывали мою собственную, а мох приглушал шаги. Лес не любит тех, кто бегают и шумит,

он любит тишину и покой. Нежные прикосновения и уважение.

Слепец почувствовал неладное в виде моего приближения и остановился. Я ушла в сторону, кувырком по мху. Вмиг поднялась и вышла из-за дерева. Копьё уже было в руке. Замах, приятная тяжесть, рывок. Моё оружие полетело не в сердце, а в бедро. Я не убить его хотела, а сбить. Заточенный каменный наконечник пробил ногу насквозь. Слепец взревел от боли и рухнул на четвереньки. От его крика стая птиц взлетела в небеса, а я уже была рядом с целью.

Пинок. Тело рухнуло на землю. Я вырвала копье из бедра, под раздавшийся новый крик и, воткнув оружие в землю, вбила своё колено в позвоночник Слепца. Лезвие ножа, выхваченного из-за пояса, оказалось возле горла мужчины, что заставило того замереть. Сидя на нём верхом, ощутила учащённое дыхание, услышала скулёж и увидела бездействие. Мужчина просто сдался и протянул руку смерти, без единой попытки отбить костлявые пальцы от своей душонки.

Вцепившись в тёмные волосы, убрала тонкое каменное лезвие и с силой вбила мужское лицо в мокрую землю. Кончик ножа вновь упёрся остриём прямо в пульсирующую венку на шее, а я слегка наклонилась и заглянула в серые глаза.

- Видишь меня, Слепец? - тихо спросила, едва позволив голосу нарушить тишину момента.

В серости напротив плескался страх и принятие неизбежности, отчего я разочарованно вздохнула. Мужчина не отве-

тил, лишь сглотнул, заставив кадык дрогнуть. Глядя на распластанный на земле допуск к Руинам, слегка склонила голову набок. Любопытство взяло верх, и мне захотелось задать кучу вопросов, но отвращение к жалкой куче подо мной, все же взяло верх.

- Знаешь, глядя на то, насколько вы жалкий вид, - доверительно прошептала. - Я всё чаще задаюсь вопросом, как женщины Эпохи слепоты не перебили вас всех раньше. Среди мужчин совсем нет воинов? Вас не учат сражаться?

По щеке Слепца побежала слеза, и я скривилась. Поняв для себя всё и даже больше, молча кивнула и бросила взгляд на пролетающую мимо птицу, при этом резко дернув рукой. К моменту, когда птица скрылась из виду, хрипы подо мной утихли, впитавшись в землю вместе с кровью.

Я вытащила нож из шеи Слепца и поднялась. Сняла с пояса маленький мешочек из кожи, перевернула тело на спину и приступила к делу.

- Глаза, что ослепли - прошептала, орудуя в глазницах. - Язык, что извергал яд, - поморщилась, так как ненавидела эти маленькие скользкие штучки во рту. - И сердце, чтобы ритм старой эпохи навеки умолк.

Каждый разрез и нажим был выверен. Каждый жест отточен годами тренировок, под взглядом старших сестёр. Я не наслаждалась процессом и спешила. Мне хотелось вернуться в Колыбель, получить одобрителный кивок вождя и улыбку матери. Провести последний день дома, а затем... отпра-

витья туда, куда меня так тянуло. Куда я прокладывала себе путь с детских лет.

Когда всё необходимое было у меня, я убрала трофеи в мешочек и покрепче завязала его, чтобы ничего не потерять. Осмотрев свой нож, вытерла лезвие о мох и поджала губы. Каменные наконечники хороши, но как же им тяжело давалась работа с костями... Это всегда меня разочаровывало, так как я знала, что гниль прошлой эпохи в виде металла, была куда прочнее и долговечней.

Поднявшись на ноги, с подозрением осмотрела лес, в надежде, что он не услышал мои мысли. Я должна защищать мир от грязи прошлой эпохи, а не желать заполучить себе кусочек. Вздохнув, бросила взгляд на труп.

- Лес примет то, что должно вернуться в землю, - прошептала, осмотрев пустые глазницы, разрезанные щеки с распахнутым ртом и вскрытую грудную клетку.

Лес шумно вздохнул, зашуршав кронами деревьев. Птицы снова запели, а ветер подхватил запах крови и разнес по округе. Скоро здесь будут хищники, а мне пора в Колыбель.

Обратный путь казался короче. Солнце лениво выглянуло из своего укрытия и скоро должно было взойти и разогнать тени. Большую часть пути я пробежала, едва касаясь земли, травы и мха. Ближе к дому, взобралась на дерево и передвигалась по ветвям, ощущая, как ритмично мешочек стучит по бедру.

Нас с детства учили быть хищниками. Проводили уроки как на земле, так и на высоте птичьего полета. В воде тренировки тоже были, но редко, так как крокодилы и другие хищные животные часто приходили искупаться или попить воды и нам приходилось отступать в лес. Мы не убиваем животных ради развлечения, лишь при необходимости, когда нужно мясо, шкура, жир или клыки, когти и перья.

Завидев впереди дом, ловко и быстро перепрыгнула с одной ветки на другую, свесилась с неё, разжала пальцы и, пролетев пару метров вниз, вновь ухватилась за "руку помощи". Подтянувшись, кувыркнулась через ветку и полетела к земле. Кувырок и мягкий мох смягчили приземление. Выпрямившись, сделала глубокий вдох и направилась к вождю.

О Руинах и своей жажде узнать мир за границей дозволенного, я уже не думала. С каждым шагом меня утягивало в какое-то странное чувство. Сердце ныло, и дыхание сбивалось, а перед глазами рисовался дом, глаза матери, улыбка Табики. Я вспомнила детство и то, как изучала каждый куст, дерево, ягоду и гриб. Тоска? Грусть? Что-то из этого, ведь скоро я покину родные земли и окажусь где-то там. В неизвестности.

Мама рассказывала, что раньше, детей учили наукам, которые захламляли умы. Вождь, создавший племя Защитниц, решил исправить эти ошибки. Нас не учили читать, лишь считать для того, чтобы точно знать, сколько километров мы прошли, сколько своих сестёр потеряли и сколько шкур или

трав необходимо собрать. Нам неведомы многие слова старого мира и из чувств знакомы лишь с жадой защитить Колыбель, уважением к сёстрам, Совету и вождю. Знаем, что такое адреналин, так мама назвала эмоции и реакцию тела во время охоты и победы над Слепцами. Когда дыхание сбивается, сердце стучит о ребра и хочется двигаться, двигаться и кричать. Когда хочется ещё и ещё. Знаем, что такое жажда мести, отвращение и боль. Знаем, что мужчины опасны, но в то же время слабы.

Но я знаю ещё кое-что. У меня есть ещё одна маленькая тайна, сокрытая ото всех и каждого. Ото всех, кроме мальчика, который учил меня читать. Иногда те детские воспоминания кажутся сном, но я четко помню глаза и голос того, кто успел наделить меня запрещенными знаниями.

Тряхнув головой, поправила колчан со стрелами и устремила взгляд вперёд. Босые ноги ступали по уже родным тропам, а лёгкие поглощали запах дыма, мокрых шкур и утренней росы.

Все ждали меня на площади. Девушки, сидевшие возле костра, начали отбивать ритм по натянутым шкурам и извиваться в такт. Моё сердце вторило мелодии Колыбели, как и шаги. Вождь стоял на помосте, рядом Совет, впившийся в меня взглядом, как змеи в мелкую дичь. Старшие сестры смотрели прямо перед собой, крепко сжимая древко своих копий. Девочки жались к матерям, так как им ещё было дозволено проявлять страх, и они ценили это время, ощущая

тепло родного тела, которое и породило их.

Когда я вошла в круг, выложенный из камней, и предстала перед всеми, музыка стихла. На этот раз я не встала на колени, а стояла ровно с уверенно поднятой головой. Отвязав мешочек, вывалила содержимое на большой лист папоротника под ноги вождя. Глаза. Язык. Сердце.

- Ещё один ритм Эпохи слепоты остановлен. Слепцов стало меньше. Лес принял дар. Земля очистит его и поглотит, стерев следы того, кто проявил неуважение и осквернил наши земли.

Вождь посмотрел на мешочек, на дары, что я выложила в ряд, и улыбнулся. В глазах матери что-то дрогнуло. Не свет от костра и не гордость, а признание. Но я уловила и что-то ещё. Предвкушение?

Совет зашептался. Старшие сёстры ударили основаниями копий по земле, а затем начали отбивать ими ритм, заставив землю и древесину запеть. Девочки затаили дыхание и ждали.

Я подняла взгляд на вождя. Лицо матери было спокойно, но тень танцующего пламени костра наложило на него тень, создав устрашающую маску. Кровь на моих руках засохла и стягивала кожу, лёгкая усталость после охоты осела на веках, но я стояла и ждала слов, которые снились мне каждую ночь. Которые откроют мне путь в огромный мир.

- Приветствуйте свою сестру, - мать протянула руку и, получила уже готовую кринку от помощницы. - Своего буду-

щего вождя, - она спрыгнула с помоста, грациозно и легко, как самая опасная хищница Колыбели. - Мою дочь, - мать улыбнулась и, встав напротив, окунула пальцы в раствор. - Защитницу Колыбели и Зелёной эры.

Мне удалось сдержать облегчённый выдох, сохранив хладнокровие. Повисла тишина, а тонкие пальцы коснулись кожи моего лица, начав наносить мазки на лоб, нос, а затем и щеки. Раствор был холодным, отчего кожа покрылась мурашками, но я не дрогнула, впитывая все, что давала мать.

- Да хранит тебя земля, дочь Колыбели. Да подарит тебе сил и защитит, как глина, взятая с родной земли и смешанная с кровью твоей матери. Нанесённые метки смоются, но их сила навсегда впитается в твою плоть, - прошептала, приподняв мой подбородок. - Горжусь тобой, Бейра.

Я заглянула в зелёные глаза матери и кивнула. Столько лет ожиданий и подготовки. Столько усилий. Наконец-то всё окупилось.

По сравнению с теми, кто входил в Совет, лицо матери почти не тронули морщины. Тренированное подтянутое тело, исполосованное шрамами от когтей и отметинами от оружия Слепцов никогда не пугало меня. На маме не было живого места, не считая лица и кистей рук. Она не любила рассказывать о том, как получила их, но я и не особо раскрашивала, когда подросла и поняла опасность, скрывающуюся за пределами Колыбели. Мне всегда хотелось заполучить её уважение и стать похожей на неё. Она смертоносна. Я видела её

во время сражения со Слепцами. Мама танцевала среди врагов, пробивала стрелами броню и разила сердца копьями. Её победный клич эхом преследовал меня, как и вымазанное в грязи и крови лицо. Я не боялась. Я хотела соответствовать ожиданиям вождя, но главное, матери. Этот день настал.

Отойдя на шаг от меня, она откинула длинные тёмные волосы, заплетенные в россыпь мелких косичек за спину и осмотрела площадь.

- Защитница Колыбели. Преемница вождя. Ваша сестра. Моя дочь. Наша победа. Бейра, - взорвалась криком, раскинув руки в стороны.

От её слов тело содрогнулось. Старшие Защитницы взревели следом, начав синхронно отбивать копьями ритм и повторять моё имя. Возле костра девушки возобновили мелодию. Их удары по барабанам отзывались в каждой клеточке тела. Обволакивающий ритм и песнь лишь из моего имени утянула меня куда-то глубоко. Туда, где было хорошо и знакомо.

Я раскинула руки в стороны и полностью отдалась во власть ритма. Тело начало извиваться и раскачиваться из стороны в сторону. Сердце на удивление билось спокойно, а в голове царил тишина. Я танцевала и отдавала дань уважения и благодарности Колыбели, полностью растворившись в моменте. Гибкое тело походило на змею, руки на изящные ветви дерева, а длинные каштановые волосы ласкали плечи и спину, словно река, мягко бегущая по руслу.

Барабанный ритм дышал. Глубоко. Рвано. Как лёгкие раненого зверя перед последним рывком в борьбе за жизнь. Первый ритмичный удар пришёлся в грудину. Второй в колени. Третий в основание черепа. Я не слышала их, а чувствовала. Кожа, кости, кровь, сухожилия, всё вибрировало в унисон с натянутой шкурой, по которой ладони сестёр выбивали ритм, давно переставший быть моим личным. Сегодня его слышали все.

Пепел хрустел под босыми стопами. Жар ударил в лицо, обжёг ресницы. Костёр ревел, плевался искрами, которые гибли в ночном воздухе, не долетев до звёзд, а я не отводила взгляда от пламени. Оно отображало меня. То, кем я стала.

Тело двигалось само, полностью отдавшись ритму. Бёдра раскачивались медленно, тяжело, как толстая лиановая ветвь от порыва ветра. Позвоночник изогнулся, спина выгнулась назад, расправляя грудную клетку, позволяя рёбрам поймать каждый глоток раскалённого воздуха. Руки взметнулись вверх. Пальцы раскинуты, как корни дерева, тянущиеся к воде. Шаг. Ещё. Вращение. Волосы хлестнули по щекам, поймали дуновение ветра. Удар барабана. Рывок плечами. Треск поленьев. Выдох через сцепленные зубы. Я не танцевала, а закалялась в ритме и пламени этой ночи.

Удары стали громче. Ладони сестёр летали по коже, отбивая дробь, от которой зубы сжимались всё сильнее. Земля гудела под ногами, отдавая вибрацией в икры, в бёдра, в живот. Я вбивала пятки в горячий пепел, чувствовала, как жар

прожигает старые мозоли, как пот смешивается с глиной на лице, стекает по шее и оставляет солёные дорожки на ключицах. Я не останавливалась. Кружение. Быстрее. Ещё быстрее. Воздух рвался в лёгкие, обжигая горло, я запрокинула голову назад, позволив шее выгнуться дугой. Руки резали тьму, пальцы сжимались в кулаки, разжимались, снова сжимались. Они ловили искры. Отпускали. Ловили. Отпускали. Снова и снова.

Все женщины племени выли, но не голосами, а грудью, низкими, гортанными звуками, от которых мурашки бежали по спине, а в животе сворачивался тугой, горячий узел. Я не думала. Думать - значит терять ритм, а я была им. Была движением, пламенем, ночью. Клинком. Защитницей.

Я резко ушла вниз, упала на колено. Ударила ладонью по земле. Почувствовала вибрацию, саму жизнь. Поднялась. Рывок. Прыжок. Мгновение невесомости. Приземление. Земля приняла меня. Мышцы горели, но не ныли, они пели. Каждая связка, каждый сустав, каждый шрам на коже, всё отзывалось на зов ритма. Я не управляла телом. Тело управляло мной. Оно помнило падения со скал, воду в ямах, вес копья, хруст чужих костей и своих собственных. Помнило, но сейчас оно горело и танцевало. Превращало боль в ритм. Ритм в силу. Силу в пламя.

Кружение стало бешеным вихрем. Босые ступни шлёпали по пеплу, по камням, по корням, вылезшим из земли. Я вращалась, пока тени не слились в сплошную чёрную стену,

пока огонь не стал единственным ориентиром, пока сердце не забило где-то в горле, выталкивая воздух короткими, рваными толчками. Руки рассекали воздух. Ноги скользили по земле. Грудь отбивала ритм. Всё слилось. Граница между мной, огнём, землёй и сёстрами распалась. Остался только пульс. Только жар. Только дикий, неукротимый восторг от того, что я жива. Я здесь. Я готова.

Ритм достиг пика. Удары барабанов слились в единый грохот. Поленья обвалились, выбросив фонтан жара, опаливший брови, и я закричала.

Звук, вырвавшийся из глубины души, разорвал тишину, ударил по стволам, улетел в небо, впитался в землю. Это был крик смерти девочки и рождения того, кто не ломается. Не отступает. Не просит. Крик Защитницы Колыбели.

Я замерла. Грудь шустро вздымалась, лёгкие горели. Пот струился по спине, смешиваясь с пеплом и превращаясь в грязь, в новую кожу. Барабаны стихли. Огонь осел. Пепел медленно падал на плечи, а я стояла и поглощала момент, который так долго ждала.

Мой день. Моя ночь. Мой мир. Я Бейра и я Защитница Колыбели и Зелёной эры. Я дочь вождя, дочь своей матери и сестра сотен воительниц, которые готовились к войне. Я изучу врага, узнаю слабые места и помогу нам нанести точный удар в самое сердце Эры Слепцов. Их ритм прервётся и навсегда канет в забвение.

Ветер донёс шёпот с Руин, и я распахнула глаза. Вокруг

меня танцевали все девушки и женщины поселения. Костер согревал и ласкал теплом извивающиеся тела тех, кто приведёт мир к тому, о чем просит природа. К прозрению и уважению. К тишине и ритму Зелёной эры. К моему ритму.

Глава 2

Проснувшись, я распахнула глаза и сразу наткнулась на тень танцующего пламени на потолке. Костры уже полыхали, поселение просыпалось, новый день настал. Нас не будило солнце, как было принято в Эпоху слепоты. Мы дети сумерек, рождённые охотиться и защищать границы Колыбели, когда небо зажигает звезды, а тени становятся длиннее жизни. За окном стрекотали цикады, а ветер принёс аромат земли и жареного мяса, отчего в желудке заурчало.

Проведя рукой по мягкому меху, запустила пальцы поглубже в шкуру и дёрнула уголком губ. Мой дом дышал в унисон со мной и готовился проститься, что я отчетливо ощущала, куда бы ни бросила взгляд.

Лучшую в мире лежанку я сделала сама. Охотилась на здоровенных енотов, как называет их мама, около недели. Необходимо было изловить четырёх зверьков для того, чтобы шкур хватило на создание единого полотна, и я это сделала.

Скользнув рукой чуть дальше, коснулась пальцами пола. Дерево было шершавым, знакомым. Руки помнили каждую трещинку, каждый сучок, каждый слой глины, которым я замазывала щели. Свой дом я тоже строила сама, начав четыре года назад. Мне было четырнадцать, и я таскала упав-

шие брёвна, переплетала лианы, вбивала колышки, месила грязь босыми ногами, таскала камни. Мне никто не помогал, а мать лишь одобрительно кивала, наблюдая за процессом.

«Если не окропишь стены дома своей кровью и потом, хижина не примет тебя и не укроет от невзгод».

Я помнила её слова и как сжимала челюсти от усталости. Как ругалась на корни, обдирающие мои ноги до крови, на камни, которые были слишком тяжёлыми и падали мне на пальцы ног, когда руки уже настолько тряслись от тяжести ноши, что разжимались и отпускали материал. Помню, как проклинала ветер, так чтобы лес не услышал. Я недоделала крышу, и сильный порыв сорвал мой настил из листьев. В тот день я спала под открытым небом и считала звезды.

Я помню всё, но и то, как однажды гордо улыбнулась, увидев результат многих месяцев труда. Мой дом стоял твёрдо, ветер был ему не страшен, хоть стены и были слегка кривоваты, но они были. И были моими.

Я обвела взглядом тесное пространство дома. Помимо шкуры, пахнувшей дымом и травами на плоском камне, у входа, стоял глиняный сосуд со вчерашней водой. За узкой прорезью, служившей окном, висел гигантский лист лопуха, согнутый воронкой. В нём, за время сна, собралась роса, и благодаря этому я могла напиться чистой и свежей воды.

Поднявшись на ноги, высунула руку, зачерпнула пальцами холодную влагу и с удовольствием утолила жажду, но она не помогла справиться с ощущением тяжести в области гру-

ди. Сегодня я покину свой дом, Колыбель, мать, сестер, вождя и родную землю. Я так долго ждала этого и не понимала своих чувств. Они не были похожи на радость. Вернее, не только на неё. Хотя моё задание и напряжение, летавшее в воздухе, могло объяснить эту странность.

Ещё никогда и ни одну из сестер не отправляли в Руины. В самое сердце острова, где когда-то активно звучал ритм Эпохи слепоты. У нас есть одна-единственная карта, которую нарисовала мать. Огромный материк, омываемый водной стихией, был поделён на три части. Мы находились слева, Руины в сердце острова, а справа, была опасная зона, судя по рисунку. Как говорят, после того как кусок земли откололся и стал нашим домом, на той, самой дальней части острова остались крупницы города, наполненного гнилью. Совет считает, что там нет Слепцов, если бы это было не так, на нас бы нападали армии, а не группы.

Что касается нашей части острова, то Колыбель состояла из четырех поселений. Похожих на наше было ещё три, не считая Норы, заключённой в объятия всех долин. Мы один слаженный механизм. В каждой общине чуть больше ста голов. Защитницы, дети и те, кто занимается детьми.

Четыре долины связаны тропами и имеют сигнальные вышки на случай атаки. Увидев огромный костёр и уловив барабанный бой, другие поселения поймут, что на Колыбель напали и успеют подготовиться. Спрятать детей, взяться за копья и луки, а затем встать стеной перед лицом опасности

и стоять до последнего вздоха.

Каждая община занималась своим делом. Мы не отдыхали, наслаждаясь жизнью, мы готовились к войне. Каждый день из года в год. Мы точили камень и делали наконечники для стрел и копий, лезвия для ножей. Варили в горшках отвары из ягод, трав и ядовитых грибов. Готовили броню из многослойной кожи и защитные накладки из листьев и коры. Сушили стрелы, проверяли и правили баланс копий, обматывали рукояти ножей. Мы готовились.

Слепцы больше не бродили по лесу парами, они сбивались в отряды. У них страшные оружия, разящие на большом расстоянии мелкими кусками металла. Пулями, по словам матери. Не так давно в их арсенал добавилось что-то новое. Оно шипело, плевалось огнём и оставляло на земле и коре деревьев чёрные ожоги. Мы все понимали, что грядет война. Каждый ощущал её дыхание затылком и ждал.

Окинув прощальным взглядом свой дом, быстро подошла к шкуре и приподняла её дальний край. В маленькой выемке под отколотым кусочком глины, я выхватила свою главную Дурашку и быстро спрятала в мешочек на поясе. Осмотревшись, словно я была воровкой, а стены моего дома могли предать, поднялась на ноги и пошла на выход.

Тело гудело после вчерашней охоты, но мышцы не ныли, они требовали движения, как и я. Поправив на ходу пояс, подхватила колчан и, закинув его на плечо, откинула полог из сшитых шкур и покинула дом. Не хватало только копья,

но оно было у матери, так как она лично изъявила желание заточить его. Мама... Я провела пальцами по глиняным меткам на лице. Они высохли и стали второй кожей. Пусть так. Скоро их смоем дождь или кровь, а до того, я пронесу их с гордостью.

Выбравшись на улицу, сделала глубокий вдох и осмотрелась. Ночь уже полностью легла на Колыбель, костры ярко горели и освещали всю долину, в то время как длинные, ломаные тени металась по земле. Сестры вовсю занимались приготовлением пищи возле костров, наставницы вели ряд девочек на обучение, кто-то освеживал туши, иные точили ножи. Мой мир... Такой живой, постоянно в движении, постоянно...

Взгляд зацепился за большой валун возле соседней хижины, и я улыбнулась. Тэя сидела на камне и беззаботно болтала босыми ногами в воздухе, запрокинув голову и смотря на звезды. Малышке шесть лет, а ножом она орудует, почти так же, как и я. Речь о разделке дичи, а не убийствах.

Тэя чихнула, и её косички и перья, вставленные в ободок на голове, содрогнулись. Парочка ярких перышек выпала из красивой причёски, отчего малышка расстроено вскинула руками. Я улыбнулась ещё шире.

Завидев меня, она прыгнула с камня и уже через пару мгновений была рядом, сияя улыбкой ярче звёзд.

- Бейра... - выдохнула, разглядывая меня, словно впервые увидела. - Ты теперь уйдёшь, да? Будешь охранять границу? Или ты теперь вождь? - нахмурила свои тонкие брови, а затем улыбнулась, оголив зубы, отчего её личико стало ещё краше.

Я опустилась на одно колено, ощутив кожей прохладу земли.

- Я Защитница. Пока что, - поправка мне не нравилась, но я скрыла это. Не хотела быть вождём того, что окружало нас на данный момент, и надеялась в скором времени решить этот вопрос.

Тэя шагнула ближе и заглянула мне в глаза. В её я отчётливо видела страх и желание с отблеском пляшущего пламени костра позади меня.

- Я хочу стать, как ты. Когда вырасту, буду быстрой, метать копьё и очищать Колыбель от Слепцов, - её голос слегка дрогнул, опустив взгляд, она почесала бровь. - Хочу, но мне страшно. Они такие большие и у них громкие ужасные пал-

ки, которые плюют огнём. А ещё, - она перешла на шёпот. - Я слышала разговор старших сестер. Они говорили, что мужчины опаснее самой Эпохи слепцов.

Я взяла её за подбородок и приподняла лицо. Кожа казалась такой нежной и тонкой, будто крылья бабочки.

- Страх не для Защитниц, Тэя, - тихо прошептала, позволив тишине повиснуть между нами. - Но ты пока не Защитница и имеешь право бояться. Пока, - выделила голосом. - Пока твои ступни не окрепнут, пока впервые не пустишь стрелу в живую цель, пока не научишься отличать шёпот ветра от шороха чужих шагов. Страх это не слабость, но лишь в умелых руках. Он может помочь тебе выжить, а может убить. Ты всё это поймёшь, когда подрастёшь, а пока...

- Могу быть трусливой как зайчики? - с надеждой спросила и я кивнула.

- Можешь побыть зайчиком ещё немного, - подтвердила.

Тэя кивнула и поджала губы. Что-то внутри меня сжалось в застывший глиняный комок, а затем в мыслях пронеслась искра понимания. Ради таких, как Тэя, мы и готовимся к войне. Чтобы обезопасить будущие поколения от яда эпох и не дать миру содрогнуться в третий раз. Последний. Совет уверен, что если мы не выполним свои обязанности и не защитим Колыбель, мир разочаруется в нас и уничтожит всё, дабы начать с чистого листа. Белого, а не зелёного.

Дернув головой, поднялась и коснулась плеча малышки, вложив в этот жест всё, что могла. Время шло, и ноги по-

несли меня к дому вождя, хоть я и ощущала, что мысленно была уже за границей. В большом мире на пути к Руинам и своей цели.

- Ты разрешила малышке бояться? Когда я скулила от страха, как раненый зверь, ты врезала мне по лицу и приказала забыть о том, что он существует.

Вмиг узнав голос, повернула голову в сторону тени за одной из хижин и улыбнулась. Табика. Я сорвалась с места и подлетела к сестре, столкнувшись с ней рёбрами, дыханием, лбами. От нее, как и всегда пахло ягодами и смесью трав, но лишь я могла распознать в этом аромате ещё и терпкость боли. Мы пережили её сполна за годы обучения, которые не хотелось вспоминать, но своя боль отличалась от той, которую я испытывала, глядя на сестру.

- Ты сделала это, - прошептала мне. - Я не сомневалась. Ты прирожденная Защитница, охотница и убийца.

- Без этого не добиться того, к чему мы стремимся, - тихо отозвалась, оторвав лоб от её и, сжав хрупкие плечи, но это была лишь видимость. - Ты должна была стоять рядом со мной, - выдавила из себя, стараясь не зарычать от злости. - Ты сильнее многих Защитниц и должна была проходить ритуал вместе со мной.

Табика отвела взгляд. Она невольно коснулась шрама возле уголка губ, что всегда делала, когда мысленно проваливалась в прошлое. Кожа по обе стороны была стянутой и бледной. Длинные линии пересекали щеки и уходили концами под

светлые длинные волосы, заплетенные в две косички.

- Плен оставляет клеймо, Бейра. Не только на теле, но и на возможностях. Ты знаешь правила, так же хорошо, как и я. Та, что была в клетке Слепцов и носила в себе их семя, уже не чиста и лишается права пройти ритуал и стать Защитницей.

- Это несправедливо, - вздохнула, покачав головой. - То, что с тобой сделали никак и не оскверняет тебя и... - я сжала кулаки, впившись ногтями в ладони.

Каждый раз говорю одно и то же, но это ничего не меняет. Хотелось кричать, ударить по помосту, по трём змеям из Совета, по самой матери, по дереву, которое ценилось куда больше моей сестры, но я не могла. Злость осела на языке и в груди, прожигая плоть и заставляя кровь кипеть, а кулаки разжаться.

- Не трать ярость на мою судьбу, - слегка улыбнулась мне.

- Я бы остановила войну и опустила копьё, лишь ради тебя одной. Смогла бы обуздать гнев и ненависть, лишь взглянув на тебя, - это было ужасным признанием, за которое бы меня сразу лишили статуса Защитницы. Но оно было искренним.

Для воина нет ничего сложнее, чем сдаться в пылу битвы. Необходимо много сил и веская причина. Табика была моей. Я не могла и не хотела представлять ни одну из эпох без неё. Мы росли вместе, страдали, учились, боялись и выли от боли. Мы всё делили на двоих, оттого ещё и были живы.

- Я бы сделала тоже, ради тебя. Но сейчас не время опус-

кать оружие. Тебе предстоит долгий путь. Опасный. Слепцы, дикие животные, сама природа. Прошу тебя, будь осторожна, - теперь она обхватила меня за плечи, заглянув в глаза. - Не позволяй никому и ничему сбить тебя с ног, Бейра. Ты обязана вернуться живой и невредимой.

- Не позволю. И вернусь, - заверила её.

- Оставляй след. На коре, на камне, где угодно, но так, чтобы это позволило мне пойти за тобой, если тебя не будет слишком долго. Живой или мёртвой, но я найду тебя.

- Оставлю, - улыбнулась, но затем прикрыла глаза и поморщилась. - Тебя уведут в Нору?

Табика кивнула. Слова были лишними.

- Не забывай о безопасности, - напомнила то, что она и так знала.

- Я буду в строю, когда придёт время.

- Мы будем, - поправила её.

Сестра хотела что-то сказать, но слышались шаги, и мы обе выпрямились и замерли. Вонь гнили, хуже, чем от Слепцов, источала лишь троица из Совета.

- Защитница. Тебя ждёт вождь. Живо.

Я оскалилась, на что Табика едва заметно покачала головой.

- Живо, Бейра, или тебе напомнить об уроке послушания?

Я смотрела в остекленевшие глаза сестры, хватаясь за свет её карих глаз, но тень выросла сбоку, и её было невозможно игнорировать. Не сейчас. Я не могла разрушить всё то, к че-

му стремилась столько лет, поддавшись ненависти.

- Нет нужды, Грета. Уже иду, - отчеканила ответ и, кивнув Табике, развернулась и направилась к дому матери, ощущая на себе два взгляда.

Карий согревал и успокаивал, желал удачи, а серый, так и напрашивался на повторение ритуала с прошлой ночи. Вырвать бы её безжизненные глаза и втоптать в землю. Прямо втоптать, без какого-либо уважения.

Дернув головой, всё же рыкнула. Взгляд сразу устремился вперёд. Огромное дерево было видно с любой стороны долины, и мне оставалось не так много шагов босыми ногами по холодной земле, до начала большого путешествия.

Дом матери впился в гигантский ствол векового дерева, словно пиявка в кожу. Камень, древесина и застывшая глина сплелись в единый, массивный организм, превосходящий любую хижину в Колыбели. В моем доме можно было разместиться лишь одному человеку, тогда как здесь, вождю хватало места для встречи с Советом и наставницами, несмотря на то, что в доме хранилась ещё и часть заготовок: ящики с наконечниками и горшки с ядами. Места хватало даже на большую карту острова, сложенную из кусочков высушенной коры. Мама сама её нарисовала углем, и мне нравилось изучать рисунок часами, хоть ничего и не менялось, как бы долго я не смотрела на него.

В стенах этого дома строили планы и принимали реше-

ния, от которых зависел мой мир, а корни дерева обвивали стены и крышу, будто защищая постройку и всё то, что в ней находилось. От вождя до тайн.

Откинув плотный полог из пятнистых шкур, ворвалась в единственное место в Колыбели, где помимо дыма, трав и старой кожи, пахло ещё и металлом. Источник этого запаха я ни разу не смогла обнаружить, но это не отменяло того, что он летал в воздухе и не был плодом воображения.

В каменной нише стены была вырыта пещера для огня. Мама придумала её сама, и такой костёр был лишь у неё в доме. Дым уходил вверх и скрывался за каменной стеной, но его можно было увидеть снаружи на крыше. Вождь называл это строение «сердцем дома», хотя я смутно помнила обрывки одной старой истории, где это называлось иначе. Пламя отбрасывало на пол пляшущие, ломаные тени, которые добирались своими щупальцами до вождя.

За массивным столом, вырубленным из единого, искорёженного корня, сидела мать. Она не обратила на меня внимание, и крепко обхватив нож, скользила лезвием по древесине, оставляя за полосами тонкую, завитую стружку.

Я шагнула вперёд, отпустив полог.

Мгновение и нож замер. Голова поднялась, а в глазах, ещё секунду назад затуманенных тяжестью дум, вспыхнул лёд. Мать исчезла. Передо мной сидел вождь.

- Садись, - в её голосе не было тепла, лишь приказ.

Я уже давно привыкла к двуликой женщине, и меня по-

что не ранило её перевоплощение из матери в вождя, хотя первая проскальзывала всё реже. Я не села. Осталась стоять, выпрямив спину, как подобает послушной воительнице. Мать кивнула, приняв мой выбор, а я заметила, как её пальцы нервно сжали рукоять ножа.

- Лес шепчет о переменах. Слепцы смелеют. Они учатся, сбиваются в группы, строят ловушки, используют то, что мы считали, давно исчезло. У нас больше раненных, чем когда-либо. Наша численность катастрофически мала. Из пятисот тридцати семи сестёр, всего двести сорок две Защитницы. Ещё около ста женщин смогут взять оружие и пойти на войну, оставив свои обязанности по воспитанию детей и также подростки, еще не прошедшие ритуал. Необходимо говорить, кто оставшиеся почти двести голов?

Я мотнула головой. Знала, что на все четыре поселения около двухсот детей от младенцев до шестнадцати лет. Кого-то уже учили послушанию, а кто-то остался нетронутым. Живым. Я сжала кулаки и сделала глубокий вдох, пытаюсь отогнать образы малышей, похожих на Тэю. Обучение или война? По мне, так это было одно и то же.

- Грядёт война, Бейра, - продолжил вождь. - Не стычка, не набег. Столкновение двух миров, - она отшвырнула нож, и лезвие глухо стукнуло о дерево. - Ты пойдёшь туда, куда наши ноги не ступали много лет. В самое сердце гнили Эпохи слепцов. Не в Руины, а дальше. В ту часть острова, которая пульсирует, как нарыв, и я уверена, скоро взорвётся и зальёт

гноем всю округу.

Я еле сдержала эмоции. Столько лет ждать, имея цель, а сейчас стоять и наблюдать, как она осыпается... Стоп.

- Ты отправляешь меня на Старое побережье? Не в Руины? - решила убедиться в том, что верно поняла её приказ.

- Именно. В Руины я запрещаю тебе соваться. Смею предположить, что настоящая опасность идёт именно с побережья. Твоя цель - не вырезать опасность в одиночку, а собрать информацию. Смотри, слушай, запоминай. Узнай численность, найди склады, запомни виды оружия. Проникни в стан наших врагов, найди слабые места и вернись домой. В Колыбель, к своему вождю и матери. К сёстрам. Ты укажешь мне путь, который приведёт нас к меньшему количеству потерь. Вернись с картой и информацией, а не головами, поняла?

Я кивнула. Цель была ясна, хоть и неожиданна.

Мать не закончила. Она поднялась, обошла стол и остановилась так близко, что я почувствовала запах её пота и старой, въевшейся в кожу крови. Её голос упал до шёпота, но каждое слово впивалось в меня острыми клыками.

- Запомни главное. Их оружие не только железные палки, что плюют огнём и пулями. Их главное оружие - ложь, - она начала медленно кружить вокруг меня, словно пиранья, и обволакивать шёпотом со всех сторон. - Они умеют втираться в доверие, находить трещины в твоей броне, в твоём сердце. Они лгут, чтобы проникнуть в него. В твою сердце-

вину. Чтобы ты опустила копье, чтобы поверила, будто они не звери и не опасны. Будто ты можешь им доверять, а потом... - она сделала паузу и замерла напротив. В её глазах что-то промелькнуло, какая-то тень, отчего волосы на затылке зашевелились. - А потом они наносят удар. Тогда, когда ты этого совсем не ждёшь. Бьют в самое сердце и с улыбкой наблюдают за болью в твоих глазах и наслаждаются твоим падением на колени. Они используют, манипулируют, насилюют и убивают. Но даже не это самое отвратительное. Среди них есть те, кто предпочитает не убивать, а растягивать удовольствие. Такие особи причиняют тебе боль обманом и предательством, а затем оставляют в живых, чтобы наблюдать за твоей мучительной смертью, за тем, как ты гниешь изнутри. Есть те, кто предпочитает держать женщину подле себя и смаковать её боль, рассказывая сказки о том, что так надо, что все их деяния ради неё же самой, ради великих целей. Мужчины коварны, Бейра и опасны.

Я нахмурилась от непонимания. Как? Эти сутулые, дрожащие существа, что падали в грязь от одного вида копья, что плакали, когда нож касался их шей... Как они могут проникнуть в сердце? Они слабые, хрупкие и ломаются как тонкие ветки. Я видела это. Их слёзы, их мольбу, их жалкие попытки дотянуться до жизни, их смирение.

Спорить было глупо, поэтому я лишь кивнула, опустив взгляд и проглотив сомнение.

- Поняла, вождь.

Мать отошла к столу и сложила руки на груди. Из её ободка на голове торчали новые перья диких птиц, а это значило, что она охотилась в одиночку. Явление редкое, но после того, как она возвращалась, всегда была в ужасном настроении. Возможно поэтому, я и не услышала ни единого наставления матери до сих пор. Лишь вождя.

- И ещё кое-что, - её голос стал жёстким. Тон не терпел возражений, как и она сама. - Не позволяй им прикасаться к себе и соединяться с тобой семенным мостом. Ни ради их покорности, ни ради любопытства, ни ради выживания. Ты Защитница. Клинок Зелёной эпохи, а клинку не нужны дети, пока идёт война. Ты сможешь зачать дитя потом. В Колыбели. Как и все, кто не прошёл ритуал или получил разрешение Совета и вождя. Но только после того, когда война закончится. Да и к тому же, - мать скривила губы. - Процесс зачатия весьма болезненный. В нём ничего интересного и приятного. Поняла?

Я снова кивнула. Это был закон, который я знала с детства. Рожают те, кто остается у костров в долине. Те, чья роль в общине не защита, а рождение и воспитание девочек. Защитницы не носят жизнь под сердцем, пока не отдадут долг Колыбели. Право на дитя получают единицы за заслуги и подвиги, и к тому же не все Защитницы хотят тратить время и вынашивать новую жизнь, когда для этого есть другие. Их стремления защищать долину и сражаться со Слепцами, куда сильнее желания коротать ночи возле костров.

Я сжала челюсти в попытке усмирить злость. Табика теперь станет одной из них. Будет соединяться с мужчинами, получать семя, вынашивать и рожать детей. Воспитывать новых воительниц, а мальчиков отдавать отцам в Нору.

Это место, где Совет и вождь держат мужчин. Они ждут там своего часа и доказывают Совету, что годятся для столь важного дела - зачатия новых Защитниц. Отбираются самые крепкие и выносливые, чтобы дать дочерям Колыбели больше сил. Нора - отдельное поселение, вокруг которого выстроены наши четыре общины. Доступ туда есть лишь у Совета, вождя и тех, кому выпала честь зачать дочь Зеленой эпохи.

Я никогда не горела желанием навеститься туда даже тайком. На что там смотреть? На слабаков, которые со слезами на глазах пытаются победить таких же? Но... Теперь туда уведут Табику, и я никак не могла сглотнуть этот ком в горле. Она не должна была там оказаться. Мы прокладывали себе с детства иной путь. Один на двоих. Но его безжалостно развели... Слепцы. Мой гнев перетек на них и стало чуть легче. Их я хотя бы могла убить, в отличие от законов Колыбели, написанных... моей матерью.

- Будь послушной дочерью. Смотри им в глаза, Бейра, - мать прожигала меня взглядом, пока огонь за моей спиной отбрасывал тень на её скулы, делая лицо похожим на высушенную кору. - Смотри, но не верь ни единому слову. Их речи - яд, налитый в чашу с мёдом. Не поддавайся. Не слушай.

Убивай, до того как их рты распахнутся, и продолжай путь к поставленной и доверенной тебе цели.

- Поняла, - отозвалась и, кивнув, развернулась, чтобы уйти.

Голос матери остановил меня на пороге. Резкий. Неожиданный. Неужели...

- Бейра.

Я обернулась. Мать стояла в тени, и свет от огня выхватывал только часть её лица.

- Вернись ко мне и принеси своё решение. О мире, о том, что ты увидела, узнала и... почувствовала. Я буду ждать.

Я замерла. Слова повисли в воздухе словно дым. Тяжёлые и непонятные для меня. Какое решение? Я собираюсь изучить врага, проникнув в его логово, и принести информацию вождю. Чего она от меня ждала?

Переспрашивать и уточнять не стала. Лишь кивнула, как было заведено. Я не имела права сомневаться и задавать вопросы, как и любая из Защитниц. Иногда делала попытки, думая, что передо мной двулика женщина, но сейчас поняла, что остался лишь один лик. Вождя.

- Будет сделано, - отозвалась и, склонив голову, ударила себя кулаком по груди. По тому месту, где в непонимании гоняло сердце, а затем шагнула за порог.

Ночь приняла меня в свои объятия сразу. Прохладная, влажная, живая. Я поправила колчан на плече, проверила рукоять нового ножа на поясе, провела пальцем по наконечни-

ку копья, которое подхватила у выхода. Лезвие было холодным, верным и заточенным. Окинув взглядом долину, направилась к долгожданной цели. Воды и пищи мне не нужно. Лес накормит. Лес напоит. Лес укроет.

У меня есть всё, что требуется Защитнице, а слова матери, что легли грузом непонимания, я отложу на потом. На тогда, когда вернусь или...не вернусь. Присев, подчеркнула немного земли и, продолжив путь, начала растирать её между пальцев.

Нет. Я точно вернусь. Ради Табики, Тэи и маленьких девочек, которых ещё не успели сломать, а затем подлатать смолой, сделав вид, что с ними всё в порядке. Я вернусь в Колыбель. Чего бы мне это ни стоило.

Босые ноги ступили на тропу. Тени за спиной сомкнулись. Челюсти сжались. А Руины и Старое побережье заждались. Шаг. Второй. Третий. Я сорвалась с места и устремилась вглубь леса, начав свой путь, который выстраивала годами.

Глава 3

Тропа увела меня прочь от дыма, барабанного ритма и тепла очагов. Ноги знали каждый поворот, каждый выступающий корень, каждый камушек. Я, как и обычно не шла и не бежала в обычном понимании слова, а скользила. Воздух становился чище, но гуще, тяжелее, а любые звуки, не принадлежавшие лесу, исчезли. Меня сопровождали лишь шелест листвы, пение птиц, неодобрительные взгляды мелкой лесной дичи и голос матери.

«Их главное оружие - ложка. Не верь. Убивай до того, как они раскроют рты».

Я стиснула челюсть. Зубы сомкнулись с тихим хрустом. Ложка - яд. Убей. Не говори. Не слушай. Не трогай. Не спрашивай. Терпи. Уважай. Подчиняйся. Я могла ещё долго перечислять законы Колыбели, так как они были выбиты у меня на костях и суставах, но решила остановиться. Ещё совсем немного и я окажусь по ту сторону законов и смогу сделать вдох полной грудью, как только перешагну границу.

Через три кустарника после старой сосны, там, где мох сменился бурым, пропитанным железом грунтом, я свернула, слегка сойдя с тропы, и оказалась перед двумя поваленными стволами, обвитыми плющом. Моё тайное место. Я вырыла его собственными руками десять лет назад и с тех пор

использовала в качестве личного хранилища.

Опустившись на колени, осмотрелась и прислушалась.

«Лес накажет тебя. Он всё видит. Так же как и Совет».

Тряхнув головой, выбила из головы голос и, приподняв переплетение плюща, просунула руку в углубление между стволами. Нащупав кусок коры, вытащила его и слегка дёрнула уголкем губ. Запретное всегда манило, и я собрала свою маленькую коллекцию. Внутри, в углублении, выстланном сухой хвоей и истлевшими листьями, лежали они. Мои Дурашки.

Я никогда не показывала их Совету. Никогда не несла к огню вождя и не давала в руки матери. Знала, что если их увидят, то заберут и сожгут, а меня накажут. Поэтому я нашла для своих Дурашек тайное место. Здесь они спали тихим и безопасным сном.

Пальцы, привыкшие к тетиве и древку, коснулись частички чужого мира. Гладкий, холодный прямоугольник из неизвестного сплава. Тонкая цепочка, звенящая, как крылышки насекомых. Круглая пластинка с треснувшим стеклом, под которым застыли стрелки, указывая куда-то на юг. Маленькая штучка с резьбой. Я не знала, как это называется, не знала, для чего служило, но берегла.

«Они создавали вещи, которые засоряли мир. Ты знаешь, сколько благ нам даёт лес и сама природа. Мы строим дома, разводим костры, едим мясо и ягоды, пьем настои трав и чистую воду. Нам тепло, мы сыты и благодарны Зелёной эпохе.

Разве нам чего-то не хватает? Нет. У нас есть всё».

Слова матери вновь пронеслись в мыслях. Было время, когда я думала, что она у меня была... Хотя мне всё чаще казалось, что мне просто... казалось.

Мои Дурашки не пахли гнилью, о чем заверял Совет. Для меня они пахли пылью чего-то старого, когда-то нужного. Я перебирала их медленно и каждый раз пыталась представить для чего их использовали, развивала воображение, хоть это было и сложно, так как я не знала прежнего мира и того, что в нём могло понадобиться для выживания и войны. Сегодня времени на фантазии не было. Пора было двигаться дальше, и я выхватила одну из двух вещиц, ради которых пришла.

Тяжёлый для своего размера, металлический складной нож Слепца. Я нажала кнопку. Щелчок прозвучал резко, сухо, как перелом сухой ветки под копытом кабана. Лезвие выскользнуло. Не каменное. Не кривое. Идеально ровное и острое. В отражении я увидела голубые глаза и замерла, поймав себя на мысли, что хотела бы увидеть собственное отражение полностью. От макушки до пят. Я видела его в речке пару раз, но оно было... каким-то не таким. Станным и нечетким.

Слева хрустнула ветка, и я подняла голову. Прислушавшись, уловила быстрое перебирание когтистых лап по камням и выдохнула. Мелкий зверёк мне не страшен, а вот... Я медленно обвела взглядом стволы деревьев, кроны, листья папоротника в паре шагов от тайника. Лес не спал. Он нико-

гда не спит и всё видит. Совет не лгал.

Я замерла на месте и ждала. Гнева, знака, что перешла черту и храню гнилые вещи Эпохи слепцов прямо в земле, которая кормит меня и является домом. Ждала удара молнией, хоть небо и было спокойным. Хоть какой-то кары... но лес молчал. Листва не шепталась, птицы не пели, и даже цикады притихли. Тишина была не осуждающей, но и не поощряющей. Она была... пустой. Будто лес уже давно перестал судить тех, кто по нему передвигался или... просто решил отложить свой приговор.

Я бросила взгляд на нож и сжала рукоять до побеления пальцев. Меня слишком хорошо учили. Слишком сильно и глубоко вбили под кожу законы моего мира. Не трогать гниль. Не верить Слепцам. Не слушать яд речей. Эти уроки было невозможно не усвоить. Они въедались в мозг и под кожу, как змеиные клыки, пускающие в тебя свой яд. Но... я усвоила ещё один урок. Иногда, для того чтобы победить одну заразу, стоит впустить в себя её часть и распробовать на вкус. Лишь зная врага и его оружие, можно уничтожить и то и другое.

Я закрыла нож под раздавшийся щелчок и спрятала оружие в кожаный мешочек на поясе. Завязала тугой узел и решила, что забуду о том, что у меня есть кусочек прошлой эпохи, пока он не понадобится. Пока лес не поведёт меня туда, где камень окажется бессильным. Пока слова Совета и матери не столкнутся с реальностью, которую они не видели

много лет.

Подхватив кусок коры, вновь нырнула в тайник и забралась рукой в самую глубь. Отрыв пальцами горсть иголок, схватила подарок и скрыла свою тайну под корой, а затем опустила плющ. Хорошо. Невооружённым взглядом и не видно, что тут что-то скрыто.

Поднявшись на ноги, раскрыла ладонь и, недолго думая, накинула на шею свой подарок. Не с первой попытки, но мне удалось застегнуть крохотный замок на цепочке, которую я обмотала тонкой полоской кожи, чтобы скрыть от окружающих и самой себя то, что надела металл. Сжав маленький голубой камень, прозрачный, как вода горной реки, поморщилась от давно позабытого чувства болезненной потери.

Когда-то меня учил читать буквы старой эпохи друг, и в последнюю нашу встречу, я получила подарок в виде красивого камешка на цепочке. Я не знала, значения слова “друг” и зачем делать подарок, но эти два новых слова я запомнила, и они мне нравились. От них исходило тепло и хотелось улыбаться, что мне было не свойственно. Я хранила камень в земле около десяти лет и думаю, раз она не забрала его у меня, значит, не будет гневаться на то, что я решила забрать своё. Не знаю, что ждёт меня впереди, но чётко ощущала, что капелька тепла не повредит.

Оторвав руку от камушка, поправила копьё за спиной и взяла курс обратно на тропу. Необходимо добраться до границы до наступления утра. Пол дня пути без остановки да-

вали о себе знать, но я слишком долго ждала этого дня, когда смогу выбраться из Колыбели и узнать мир по ту сторону. Ощутить в воздухе новые ароматы, распробовать вкус воды и ягод, которые находились где-то там. Мне интересно, уловлю ли я отличия другого мира в чём-то, помимо опасности. Ноги вели меня сами, и, как только я вновь ступила на тропу, потеряла какое-либо желание обернуться. Я слишком хорошо знала всё, что осталось за спиной, поэтому только вперёд. В неизвестность.

Мох под босыми стопами проглатывал каждый звук, а толстые ветви принимали мой вес, как старые, проверенные тропы. Прыжок. Хват. Подтянулась. Вверх. Ещё выше. Я карабкалась по дереву так же легко, как поглощала воздух. Пушистые кроны смыкались надо мной зелёным ковром, отсекая небо и оставляя лишь воздух, запах смолы и уже слегка сбитый ритм собственного дыхания. Птицы умолкли, готовясь ко сну, а те, что предпочитали жить при свете солнца, а ночью отдыхать, ещё не проснулись. Граница была близко, и я чувствовала её кожей. Воздух, казалось, становился легче, не столь душным и прелым. Хотелось дышать, двигаться, узнать, что же впереди, но целая ночь пути забрала почти всё. Мышцы гудели, веки поднимались и опускались всё медленнее, а хватка становилась слабее. Я устала, а пересекать границу в таком состоянии значило преподнести врагу лёгкую добычу, которой я никогда не стану. Разум победил

жажду выбраться за пределы Колыбели как можно быстрее, и к первым лучам восходящего солнца, я уже была на месте. С высоты, на которой я нашла ночлег, была видна граница. За ней трава казалась ниже и деревья реже или мне просто казалось... Неважно. Я сделала это. Добралась. Осталось набраться сил и можно будет продолжить путь.

Сплетение ветвей векового кедра, опутанных плющом, образовало отличное место для сна. Широко, устойчиво и не просматривается снизу. Я взобралась, убедилась в прочности, повесила колчан на сук, копьё приставила к стволу дерева и легла. Грудь плотно прижалась к коре, лицо опустилось на плющ, бёдра расслаблены, руки и ноги свисают вниз, пальцы полусогнуты и готовы вцепиться в основание лежака при первом же шорохе. Поза леопарда. Хищника, отдыхающего перед прыжком. В детстве я видела, как эти прекрасные животные охотятся и спят на ветвях деревьев, и во многом брала с них пример.

Глаза закрылись. Тьма под веками была густой и тёплой, но в ней, как и всегда, всплыло оно. Детство, которое оставило шрамы не только на коже, но и под ней. Там, где никто и никогда не увидит.

Нас не только учили, нас еще и ломали. В пустых ямах, и в тех, что были залиты ледяной водой. Палками и хлесткими лианами, иногда ветвями. Нам было по десять, когда Совет выстроил нас в ряд и объявил, что детство закончилось. Без

слов. Без подготовки. Только удары. Тупые, ломающие дыхание и подкашивающие ноги.

- Послушание, - выкрикнула старшая наставница, и палка выбила воздух из моих лёгких. - Послушание, - новый удар по спине следующей девочки. - Это кожа. Послушание - это кость, - на колени рухнула следующая. - Основа. Без него вы трупы ещё до того, как войдете в лес. Будьте послушными, - основание древка копья, впилось мне в ладонь, которую я еле видела из-за слез.

Я подняла взгляд на ту, что подошла ко мне, и увидела Грету. Одну из Совета. Она оскалилась и наступила ногой мне на вторую ладонь.

- Будь послушной, Бейра, иначе лес покарает тебя, моими руками.

Когда нас топили в реке, нам не давали вынырнуть. Руки давили на затылки, лица уходили под мутную воду, лёгкие горели, горло разрывало, а сверху звучал ровный, безэмоциональный голос.

- Будь послушной. Не борись. Прими. Стань водой или умри.

Мы быстро перестали плакать. Плач отнимал воздух, а он был необходим, чтобы выжить.

Я помнила вкус ила на языке. Помнила, как пальцы царапали скользкие камни на дне, как рёбра сжимались в тисках, как разум метался между желанием сделать вдох и не дышать. И я отлично помнила моменты, когда была на гра-

нице между жизнью и смертью. Каждый раз, а их было очень много, внутри что-то щелкало. В тот момент, когда хотелось сдаться и казалось, что я на пределе возможного, этот щелчок и страх превращались в тишину. Я выныривала без кашля и слез. С пустыми глазами и каменным лицом, которое со временем позабыло любые детские эмоции. Наставницы кивали. Это было не одобрением, а принятием факта, что я больше не ребёнок. Я будущая Защитница.

Руки и ноги... Как же они болели. Мы карабкались по отвесным скалам, пока ногти не отрывались с мясом. Бегали по острым камням и битому стеклу старого мира, пока ступни не превращались в кровавое месиво, а затем не затягивались твёрдой, как панцирь черепах кожей. Нас заставляли держать копьё вытянутой рукой часами. Мышцы дрожали, рвались, горели огнём, а сверху сыпались удары по дрожащим ногам и спине.

- Слабость это выбор, а боль - путь длиною в жизнь. Что вы выбираете?

Мы выбирали боль. Потому что за ней стояла Колыбель, цель стать её Защитницами и вбитый до костей закон «Быть послушной и не знать страха».

Когда мы падали в обморок от истощения, нас не жалели. Поливали ледяной водой из глиняных сосудов, поднимали за волосы, ставили на колени и шептали прямо в ухо приказы и законы Колыбели.

- Будь послушной и вставай. Колыбеле не нужны твои сле-

зы, а перед Слепцами на колени Защитница никогда не встанет. Лучше смерть. Встань.

Мы падали. Вставали. Падали. Снова вставали. И так до тех пор, пока сознание не стиралось до чистой подготовленной древесины, на которой было нацарапано лишь одно. Я будущая Защитница. Я не знаю страха. Я послушна.

Нас стругали и затачивали. Выжигали жалость, страх, сомнения, привязанность. Топили любые ошибки и слабость. Нас опустошали и вбивали законы Колыбели, чтобы помимо них и послушания, в нас не было ничего.

И когда ты, наконец, вставал, не дрожал и не опускал взгляд, рассматривая свои раны и реки крови, бегущие по коже, а смотрел в глаза тем, кто тебя уничтожил, чтобы создать что-то иное, ты видел... своё отражение с пустыми глазами и безэмоциональным лицом. Ты понимал, что больше не девочка и не человек. Ты - клинок Колыбели. Послушный. Заточенный. Холодный. Это понимание единственное, что у тебя оставалось к концу обучения. Провожать взглядами трупы девочек, которых не сломали, а убили, становилось проще, а видеть переход тех, кто не сдох, но ещё дышал, хоть и не имел сил на обучение, к кострам, ещё проще.

Иногда, ночью, когда боль в костях и лёгких не давала уснуть, я лежала на сырой земле и слушала, как воет ветер. Я думала о тех, кто не выдержал. О тех, чьи глаза навсегда закрылись. О тех, кого увели в долину, в тихие хижины, где им было тепло, где их кормили и защищали.

Я не жалела их, а завидовала, потому что они сохранили себя. А я... шла тропой боли, чтобы не стать пеплом, который разлетится от первого же ветра. Чтобы стать тем, кто ставит на колени, а не встаёт.

Детство... единственное, что стало пеплом и без следа исчезло.

Глава 4

Я открыла глаза, когда солнце почти скрылось за кронами деревьев. Тело отдохнуло, а отголоски воспоминаний скрылись так глубоко, что почти не ранили. Я медленно подняла свисающие конечности и поднялась на ноги. Потянувшись, зевнула и бегло осмотрела лес под хруст собственных костей, пришедших в движение. Присев на корточки, прикрыла глаза и потянула носом воздух. Пахло уходящей жарой, корой дерева и сладостью. Распахнув глаза, задрала голову и увидела огромный улей, возле которого кружили и жужжали пчёлы. Мимо пронеслись пёстрые пятна, и я проводила пару попугаев взглядом. Их зелено-красные крылья рассекали воздух и несли обладателей в сторону моего поселения. Туда, куда я не собиралась возвращаться, пока не узнаю все, что скрыто за границей.

Я резко отвернулась и уловила лёгкое дуновение ветерка с другой стороны. Повеяло прохладой, отсутствием законов и моей целью. Подхватив колчан и копьё, убрала их за спину и поднялась. Внизу, метрах в пятидесяти, тропу пересекала чёрная толстая, длинная полоса в виде змеи. Она, не спеша, переползала из густой травы под раскидистый куст, извиваясь в своём немом танце. Слегка прищурилась, подумав о том, что её мяса мне хватило бы надолго, но решила,

что займусь поиском провизии позже, и шагнула вниз.

Ветер засвистел в ушах, рука ухватилась за лиану. Пальцы уверенно, но в то же время мягко заскользили по канату и были в любой момент готовы замедлить спуск. Я плавно опустила на мох и шумно выдохнула. Какие-то двести метров отделяли меня от границы, и я поспешила преодолеть их. Не как девочка, которую били палками и кормили илом. Как клинок, который слишком хорошо заточили, но всё же допустили осечку.

Граница не была обведена рвом или как-то выделена, но когда я переступила через неё, ощутила резкие изменения. Запах дыма, прелой кожи, коры и хвои, пота Защитниц, вбитого босыми ногами в тропы, исчез. Появился другой. Сухой, но острый, пахнувший пылью, ржавчиной и горелой листвой. Земля под ногами стала твёрже, суше, менее податливой. Я поскребла по ней босыми пальцами ног, но ответа не получила. Вибрации, которую я ощущала в землях Колыбели, не было. Сглотнув ком в горле, от непонимания, осмотрелась и прислушалась. Лес был реже, а деревья гораздо ниже, но ночная тьма будто плотнее. Непроглядней. Ветви деревьев тонкие, лианы и плющ исчезли. Кроме, травы и сухой земли не было ничего. Мох, листья, иголки... всё исчезло. Как так?

Я стойко поборола желание развернуться и осталась стоять столбом. Прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и представила, как выбиваю из Совета и вождя информацию. Им следовало сообщить о том, что мир за границей Колыбели

иной. Они слишком погрязли в описании гнили Слепцов и упустили столь важный момент как иной мир. Не мой.

Один удар сердца. Решение принято. Ни шагу назад, только вперёд. Я изучу и подстроюсь, необходимо лишь время. Неважно в каком лесу и на какой земле проливать кровь, но в каком выживать, очень даже. Сухая земля скрывает больше следов, свежий воздух рассеивает запахи, а редкий лес и тонкие ветви лишают укрытия. Что ж... Осталось понять, как обстоит дело с животными и...

Я замерла, занеся ногу для шага, а затем медленно её опустила. По затылку скользнул липкий, тяжёлый взгляд, того, кого я не видела, но услышала.

Шорох травы. Слишком размеренный для зверя. Затем лёгкое, почти неслышное трение и скрип древка. Кто-то подкрадывался, но неумело или специально не скрываясь, считая себя сильнее. Свист. Он не принадлежал ветру. Это был звук рассеченного наконечником стрелы воздуха.

Тело среагировало мгновенно. Кувырок вбок. Во время переката рука уже потянулась к колчану. Замерла на секунду. Стрела легла в ладонь, тетива натянулась до уха, древко скрипнуло. Я развернулась, опустившись на колено, и направила наконечник туда, откуда исходила опасность.

В полумраке, между стволами чёрных сосен, взгляд сразу выхватил силуэт. Хватило секунды, чтобы узнать знакомую до тошноты фигуру. Кожаный лиф, который бронёй называть сложно, набедренная повязка из черной шкуры, корот-

кие перья в ободке на голове и метки нанесенные глиной на лице - но не моего поселения. Угловатые, резкие. Северные. Дера.

Её тетива была уже натянута, и каменный наконечник целился мне в горло. Глаза холодные, расчётливые, лишённые даже тени сомнения в том, что она превосходит меня.

Мы замерли. Две стрелы на тетивах. Два копья за спинами. Два ровных дыхания. Мир казалось бы, замер в ожидании нашей долгожданной встречи.

- Наконец-то мы встретились, Бейра, дочь вождя, - голос Деры прозвучал ровно, но губы были изогнуты в ядовитой усмешке. - Надеялась, ты сдохла, но нет. Жива, не ранена и покинула Колыбель, пройдя по моей земле, не выказав уважения.

Я оскалилась и сделала шаг вперёд, не переставая целиться. Гнев, горячий и густой, как смола, поднялся от живота и залил пространство под рёбрами.

- А я надеялась, что тебя разорвали Слепцы. Как оно на коленях перед ними? Совет был бы разочарован в своей любимице, узнай они твою тайну.

Ответом мне послужил щелчок тетивы. Я пустила стрелу следом, но ни одна из них не достигла цели, так как мы с Дерой сорвались с мест. Смерть от стрелы слишком... неподходящая в нашей ситуации.

На бегу выхватив из-за спины копьё, с удовольствием сжала родное древко и стала с ним одним целым. Подлетев к Дере, я нырнула под её выпад, ощутив, как наконечник чиркнул меня по плечу, оставив жгучую, глубокую полосу. В ответ мой удар пришёлся ей в бедро. Кожа лопнула, кровь брызнула на сухую землю. Мы оказались друг напротив друга, поменявшись местами, и начали кружить. Кровь обеих пролита, но этого было мало. Будто согласившись с моими мыслями, Дера усмехнулась и вновь бросилась в бой. Мы сцепились. Удар. Блок. Отскочила. Выпад. Отскочила назад, крутанулась и выбросила копьё, чуть ослабив хватку. Каменное лезвие пронеслось мимо ее лица, задев щеку, и оставило порез. Зарывав, противница начала наступать, нанося удар за ударом, делая широкие взмахи. Тишина незнакомых земель разбавилась глухими ударами дерева и камня друг о друга и двумя рваными выдохами в моменты атак. Заглянув в серые глаза напротив, позволила одному из воспоминаний напомнить о причине вражды между нами, не лишая при этом возможности отбивать и наносить собственные удары.

Влажная от утренней росы скала. Корни, торчащие из камня, как рёбра поверженного зверя. Нам по двенадцать. Мы карабкаемся вверх, закрывая глаза на крики тех, кто срывался с высоты и падал в объятия леса. Пот застила-

ет глаза, руки трясутся, зубы сжаты с такой силой, что можно было ощутить зубную крошку на языке.

Дера уверенно промелькнула сбоку от меня, переставляя руки и ноги с ловкостью паука и, догнала Табику. Я помню как эта тварь поступила. Когда Табика потянулась к выступу, чтобы ухватиться и подтянуться, Дера наступила ей на руку. Она не оступилась и не поскользнулась. Специально поставила ступню на пальцы сестры и оттолкнулась. Табика сорвалась. К тому моменту нас уже хорошо обучили и она полетела вниз без крика, издав лишь шумный выдох.

Я не думала и не боялась наказания хоть закон Кольбелли и кричал в голове, что каждая сама за себя. Спасать - слабость. Слабость - смерть.

Моё тело полетело вниз. Я сорвалась с выступа, ободрала пальцы и ноги до крови, но не обращала на это внимание. Ветер свистел в ушах, земля приближалась. Я неотрывно следила за Табикой и, когда выхватила боковым зрением толстую лиану, покрытую шипами, кувыркнулась в воздухе, слегка сменив траекторию падения, и вцепилась в неё рукой.

Резкая остановка. Плечо вывихнуто. Боль. Но я удержалась. Успела ухватиться за запястье Табики метрах в сорока от земли. Мы повисли в воздухе, шипы на лиане рвали мою кожу под тяжестью двух тел. Кровавые реки стекали от ладони до самой шеи, плечо ныло, но я не отпустила. Более того, повторила бы этот прыжок вслед за сестрой,

даже не зная, что внизу был спасательный жгут.

- Всё ещё спасаешь слабачков и чтишь законы Колыбели?
- выкрикнула Дера, выбивая ударом древка моё копьё в сторону.

Мы сцепились. Плечом к плечу. Замах. Её локоть врезался мне в рёбра. Воздух вырвался из лёгких, но я развернулась и ответила ударом головы в нос. Хруст. Кровь. Дера отшатнулась, но не упала. Усмешка, залитая кровью, стала шире.

- От кого я слышу речь о законах? Совет лично свернул бы твою шею, узнай то же, что и я, - резко присела и ударила копьём по её коленке.

Дера зашипела и отскочила, но вновь устояла.

- Законы это хорошо, Бейра. Но мне, куда больше нравится то, что за ними сокрыто, - стёрла резким движением свою кровь из под носа и нанесла ответный удар.

Я отбила его и, крутанувшись, врезала древком по спине Деры. Она полетела вперёд, но сгруппировалась и после кувырка, оказалась на корточках.

- Надо было утопить тебя тогда, - выплюнула в мою сторону и, вскочив, замахнулась копьём.

Наконечник пронёсся перед глазами, как и ещё одно воспоминание.

Мы с Табикой опустились на землю, и я подняла взгляд на скалу. Дера спокойно смотрела мне в глаза, будто не пы-

талась убить мою сестру, а стряхнула пыль с босых ног. В тот момент внутри меня что-то оборвалось. Я поклялась себе, что вырву ей глотку, что она умрёт медленнее, чем умирали те, кого она сталкивала со скал до Табики.

Я возненавидела Деру сильнее, чем Совет. Сильнее, чем законы Колыбели. Она была гнилью, облепленной роем мух и любимицей наставниц лишь потому, что не ныла и не плакала. Она ломала других, чтобы казаться сильнее, но я знала, что у каждого есть слабость. Дера не исключение.

Нас наказали. Меня за помощь, Табику за слабость. Двух девочек, нарушивших законы. Грета скинула нас в одну яму, наполненную ледяной водой по самые шеи. Скользкое дно, холод, лечь нельзя, сесть тоже. Мы могли только стоять и дышать, находя спасение в глазах друг друга и сцепленных пальцах под водой. Нас продержали в яме ночь, день и следующую ночь. Тело ныло, суставы горели, кожа белела и распухла, мышцы сводило судорогой, но мы стояли. Спина к спине и дыша в унисон. Табика что-то шептала сквозь стиснутые и стучащие зубы, а я слушала и думала. Когда нас вытащили, мы уже не были просто сёстрами одного поселения. Мы были костями и кровью друг друга. Одним дыханием на двоих.

Мы снова бросились друг на друга. Я ушла от удара, подставила древко, отразив следующий и, приняв вес Деры на себя, резко развернулась и вогнала наконечник ей в плечо.

Глубоко. Так, что лезвие чиркнуло по кости. Дера зарычала, но не от боли, а ярости. Она дёрнулась назад и соскочила с моего копья. Ее кровь заливала чужую землю, мы обе тяжело дышали и ненавидели друг друга.

- Ты идёшь к побережью, - прошипела, сжимая рану, кровь текла по пальцам, но ее голос не дрожал. - Думаешь, вождь послал тебя за ответами? Нет. Она послала тебя туда, чтобы проверить, сломаешься ли ты или станешь такой же, как она.

Я замерла. Копьё в руке не дрогнуло, но слегка опустилось. Ветер принёс запах крови Деры, и я оскалилась.

- Закрой рот, - прошипела и шагнула в её сторону, чтобы добить.

Она не отпрянула и не подняла оружие. Встала на одно колено, воткнув копьё остриём в землю, и улыбнулась окровавленными губами. Я замерла. Закон Колыбели запрещает убивать тех, кто признал твою силу и опустился перед тобой на колено.

- Лес не прощает тех, кто идёт за ответами, а Старое побережье не отпускает. Я знаю, что маска послушной дочери и Защитницы душит тебя. Если хочешь узнать правду, не будь послушной девочкой и загляни в Руины. Найди Мора и скажи, что Дера попросила рассказать тебе то, что ему известно. Ты сама поймёшь о чем речь, но дам подсказку, - усмехнулась. - Обрати внимание на картинки. Ты знаешь лес так же хорошо как и я, и сможешь понять, о чем речь.

- На что именно обратить внимание? - голос дрогнул, отчего улыбка Деры стала ещё шире.

- Моя бабушка не была сумасшедшей. Обрати внимание на то, что не найдешь ни одной картинки ели обвитой лианами и на то, - Дера провела рукой по сухой земле, собрав пыль и растерев её между пальцев. - Что земля не вибрирует, Бейра, если на то нет причин.

Я нахмурилась, а Дера поднялась на ноги и, крутанув копьё, убрала его за спину.

- Удачи, дочь вождя, - прошептала, заглянув мне в глаза. - Вернись не с ответами, а правдой. В Колыбели запах гнили встречается куда чаще, чем должен. Так ведь?

Я кивнула, сама того не желая. Дера развернулась и направилась в сторону Колыбели. Быстро и бесшумно, как Защитница, а не та, что выдала себя шорохом травы и скрипом древка. Она ждала меня не для того, чтобы наконец-то убить. Но для чего? Отправить меня в Руины и тем самым в ловушку её Слепцов? Или...

Я вытащила из-под кусков кожи, свисающих по бёдрам одну из Дурашек. Крохотный кусочек бумаги, сделанной из древесины, но испачканный чёрными буквами не моего мира. Развернув лист размером с мизинец, обратила внимание на то, что белый цвет сменился желтоватым, и нахмурилась. Я стащила этот кусочек чего-то запретного у матери года два назад. Он валялся на полу в её хижине и я прибрала его к рукам, пока никто не видел. Единственное, что было напи-

сано. «Проект Ама зона актив...».

Читать-то я умела, но какой в этом смысл, если не понимать слов... Убрав Дурашку обратно, сделала глубокий вдох и вновь посмотрела в сторону Руин. Я собиралась обойти их стороной, но... может, стоит заглянуть? От одной мысли, что придётся общаться с носителем имени Мор, скривилась.

Сделав пару шагов к границе, сорвала лечебных листьев и, забросив их в рот, начала активно перетирать зубами в кашицу. Вытерев лезвие копья о мох и убрав то за спину, замерла взглядом на земле и пригляделась. На территории Колыбели она густая, сочная, влажная, чёрная, а мои босые ноги касались сухой, бледной и пошедшей трещинами. Я приложила ладони к обеим и прикрыла глаза. Земля моего мира источала жизнь и слегка вибрировала, а от чужой земли не исходило ничего. Ни жизни, ни влаги, ни дыхания. Поднеся обе ладони к лицу, увидела на одной грязь, а на другой пыль и сжала кулаки.

Желание узнать что-то запретное взяло верх. Если для этого придётся потерпеть рядом с собой Слепца, пусть так. Ведь если он мне не понравится и не даст ответов, я всегда смогу его убить.

Вытерев с рук грязь о влажный мох, поднялась в полный рост и развернулась. На ходу нанесла на порез на плече лечебную жижу и устремила взгляд в сторону Руин.

Граница осталась позади. Колыбель, Совет, вождь и их законы тоже. Впереди была чужая земля, следы, Слепцы и во-

просы, на которые я бы хотела получить ответы. Я начала путь и больше не собиралась оглядываться. Как и подчиняться. Побережье подождёт.

Глава 5

Я шла уже несколько часов, и если раньше, в Колыбели, лес общался со мной, то сейчас он молчал. Он просто... был. Это мне не нравилось. Казалось, что я оглохла или обидела природу, отчего она перестала отвечать на каждый мой шаг и вдох. Воздух становился свежее, рассеяние, но в то же время острее. Исчез аромат смолы, прелой листвы, влажного мха. В воздухе пахло пылью и пустотой, а иногда ветер приносил шепотки ржавчины. Я сделала глубокий вдох, но лёгкие будто не наполнились, лишь вобрали пустоту.

Деревья здесь были ниже. Не молодыми, не большими просто... будто недоделанными. Стволы тонкие, как ветви, кора потрескавшаяся, как земля под босыми ногами. Лиан и плюща, опутывавшего всё, до чего можно было дотянуться, не было, как и огромного раскидистого папоротника везде и всюду. Трава росла клочьями, листья ломкие, цвет бледный, казалось, кто-то выжег корни, но не тронул то, что над землей. Каждый раз моргая, пыталась понять, как такое возможно, но не могла. Картинка очень отличалась от моего мира, в котором я выросла.

Наклонившись, провела пальцами по земле. Трещины исчезли, но она была всё такой же сухой, будто не знала воды несколько лет. Нажала. Пальцы не продавили след, лишь тра-

ва пригнулась, а потом медленно, неохотно, поднялась обратно. Земля не запоминала меня... Не хотела или не могла. Я наступила ногой, слегка приложив силу. След остался, но лишь на верхнем слое пыли, который ветер стёр прямо на моих глазах.

В Колыбели почва впитывала каждый шаг, хранила отпечатки, шептала историю тех, кто коснулся её, для тех, кто умел видеть, а здесь история не записывалась. Она стиралась на ходу. Земля не хотела помнить...

Что же с ней стало?

Потерев лицо, ощутила слой глины, которую мне нанесла мать, и, сделав глубокий вдох, подняла голову. Ночное небо и звезды просвечивали сквозь редкие кроны деревьев. Птиц не было. Ни криков, ни пения, ни взмахов крыльев. Жужжание и стрекот тоже мимо. Я слышала только свои лёгкие шаги, размеренное дыхание и ветер, который лишь ворошил пыль, стирая мои следы. Тишина леса нервировала своей пустотой.

Я подошла к ближайшему стволу. В Колыбели такое дерево было бы годным лишь на растопку, но здесь, как я видела, подобных, был целый лес. Они стояли словно мёртвые стражи, которым плевать на то, что происходит вокруг. Я ползла по палке, а не огромной древесной стене. Ухватилась за выступ на стволе, подтянулась, забралась на ветку. Поднялась выше, огляделась. Бесплезно... Малая высота не давала обзора, ветки гнулись под моим весом, тонкие, хрупкие, как

кости старой птицы. Им было тяжело.

Спускалась почти ползком, пальцы срывались, ногти рвались о гладкую кору, не имея возможности ухватиться, но боль была привычной и не мешала изучать новый мир. Приземлившись на четвереньки, отряхнула ладони и поднялась. Этот лес не защищал, не прятал и не укрывал. Он просто был.

Пустой, как декорации после спектакля, когда актеры давно ушли, а свет так и не выключили. (Прим автора, так как Бейра не могла подобрать подобное описание, но оно так и напрашивалось)).

Из меня вырвался тяжкий вздох, и я пошла дальше, но вдруг увидела его и замерла. Он стоял в просвете между двумя чахлыми стволами и не двигался. Олень. Так называли это животное наставницы. Я видела его лишь раз, издалека, когда мы с группой учениц прочёсывали западный склон.

Грета тогда запретила его трогать. Сказала, что он не заходит в наши земли, так как чувствует, что в Колыбели нет гнили и это его страшит. Я не поняла тогда и не понимала сейчас. Казалось, такое прекрасное создание невозможно напугать.

Огромные, ветвистые, тяжёлые рога, как корона из костей, уходили пиками к небу. Шерсть не жёлтая, не чёрная и не пятнистая. Тёмно-коричневая, короткая. Большие, тёмные, глаза, в которых не было страха. Они не оценивали и не осуждали, просто смотрели на меня, а я рассматривала их в ответ.

Впервые за много лет, я не почувствовала жажды крови. Не захотела убить ради мяса или красивой тёплой шкуры. Я не видела в олене ресурс для выживания. Я видела в нём жизнь.

Меня не покидало ощущение того, что зверь был слишком чист для этого места. Слишком гордым для мёртвых стволов и слишком живым для звенящей тишины. В голове проскочила мысль, может, он не из-за отсутствия гнили, не ступает на земли Колыбели, а по каким-то другим причинам. Но каким?

Я так и не потянулась за луком и не сдвинулась с места. Стояла и пыталась запомнить каждую линию оленьей морды, каждый изгиб рога, каждую тень, падающую на землю. Не знаю почему, но было ощущение того, что мы больше не увидимся, и мне хотелось впитать образ зверя, как земля Колыбели впитывает историю тех, кто по ней когда-либо ходил.

Шорох. На ветке слева. Я резко дёрнула головой. Юркое, серое пятно с пушистым хвостом пронеслось по стволу вверх и замерло. Маленький носик задергался, зверёк принюхался, а затем перемахнул на соседний ствол.

Тело сработало раньше мысли. Лук оказался в руках, тетива натянута до уха. Каменный наконечник нашёл цель. Выдох. Щелчок пальцев. Стрела отправилась в полет. Звук поражения был тихий, мокрый. Зверёк дёрнулся, сорвался с ветки и упал в сухую траву. Он больше не двигался.

Я опустила лук и посмотрела на оленя. Он не дрогнул и

не побежал. Слегка склонил голову набок, всё так же изучая меня, а затем развернулся и гордо зашагал в сторону роши. Он растворился среди серых стволов, не оставив следов на земле, которая не хотела помнить даже его.

Проводив оленя взглядом, подошла к добыче и присела на корточки. Зверёк был мелким. Лапы тонкие, когти загнутые, хвост очень пушистый, морда вытянутая, уши маленькие, стоячие. Я нахмурилась, так как не видела таких в Колыбели, и не слышала рассказов наставниц о подобных. Он был таким странным и чужим, но мясо оно и есть мясо. Мне необходима пища, так что...

Вытащив из тушки стрелу, осмотрела наконечник и убрала обратно в колчан. На чужой территории неизвестно, что ждёт меня дальше, поэтому не стоило раскидываться оружием. Стрелы пробивают глотки как на дальнем расстоянии, так и в ближнем бою. Затупится, изогнется, насажу врага на обломок в ближнем бою.

Я аккуратно коснулась тельца и, подхватив за хвост, привязала добычу к кожаному поясу. Поднявшись, ощутила, как мягкий мех коснулся бедра, а ветер донёс шёпот Руин. Судя по карте, от Колыбели до моей цели около недели. Не так много, как казалось, но вновь осмотревшись, поймала себя на так хорошо позабытом чувстве лёгкого страха. Бродить неделю по моему миру было бы проще простого, но я не могла быть столь уверена в том, что чужой мир окажется столь приветливым. Судя по тому, что я видела, на этой террито-

рии никому не были рады. Поправив колчан и пояс вместе с мешочком и тушкой, сделала шаг. Затем ещё и ещё. Лес не менялся. Тишина не нарушалась. Земля не запоминала. Станный мир... Хорошо, что не мой.

Небо светлело, но не ярким тёплым жёлтым светом, а бледным, болезненно серым, будто кто-то разбавил пепел дождевой водой и выплеснул содержимое на небо. Тени отступали, ноги гудели, поясница ныла от груза колчана и копья. Сон давил на веки тяжёлой, влажной ладонью, и я поняла, пора искать укрытие. Я могла пройти ещё день без остановки. Не есть и не пить столько же, но не собиралась использовать то, чему научилась за годы тренировок. Мне хотелось походить на тех, кому нужен отдых, тепло, еда и вода, а не на бездушный клинок.

Будто услышав мои мысли, лес пришёл мне на помощь и явил укрытие.

Очертание прорезалось сквозь туман, как кость сквозь кожу при переломе. Не дом вождя и не хижина из ветвей и шкур, а квадрат, стены которого были из широких досок, скрепленных не лианами и глиной, а чем-то твёрдым, ржавым, вбитым глубоко в дерево. Крыша провисла и поросла мхом, но держалась на месте. Паутина была всюду, пахло сыростью, гниющим деревом и чем-то сладковатым, въевшимся в само дерево.

Я остановилась и вытащила копье. Прислушалась, осмот-

релась. Ни шороха, ни взгляда, ни силуэта. Меня окружал лишь ветер, гоняющий пыль и собственное учащённое сердцебиение. Я понимала, что это давно заброшенный дом, но всё же он отличался от того, к чему я привыкла и веял опасностью.

Босые ноги медленно взобрались по лестнице. Дверь я толкнула кончиком копыя и вздрогнула, когда она распахнулась с ужасным звуком. Дерево такое не издаёт, и я начала изучать проход. Между дверью и стеной заметила ржавые металлические изогнутые пластины и нахмурилась. Видимо, это из-за него я чуть не подавилась языком. Ржавый металл...

Сделав глубокий вдох, аккуратно заглянула во внутрь. В доме никого не было, и, пересилив себя, я шагнула в неизвестность. Дерево под моим весом прогнулось, но выдержало. Доски были слегка влажными, а в нос ударил прелый и гнилой запах, несмотря на то, что стекла в окнах были разбиты и свежий воздух пробирался во внутрь. Пол утопал в черно-коричневой листве, грязи, обломках древесины и кусочках стекла. Повсюду были разбросаны непонятные вещи, и я медленно начала приближаться для того, чтобы изучить их.

Присев на корточки, положила копыё рядом и протянула руку. Пальцы, привыкшие к грубой коре и тёплой шкуре, коснулись холодного, изогнутого предмета. Пять острых иголок, похожих на маленькие колья, гладкая ручка. По весу

предмет казался очень лёгким и странным. Поднесла к носу, уловила лишь запах пыли и металла. Ничего живого, ничего говорящего о цели использования. Отложила в сторону.

Следом взяла прозрачную как стекло маленький сосуд с крышкой. Внутри были засохшие коричневые крошки. Открыв крышку, поднесла к носу и как только сделала вдох, резко отбросила от себя. Запах был горьким и острым, словно кто-то измельчил кору ядовитого дерева и хранил про запас.

«Вещи Эпохи слепцов не питают, а отравляют».

С этими словами наставниц сейчас было сложно не согласиться. В подтверждение мысли по носу пробежала рябь и я чихнула.

Решив не изучать содержимое других склянок, потянулась к большой штуке, похожей на чашу, но из непонятного материала. Тонкие гнущиеся стенки, волнообразные края, легкая и непонятно цвета. Стенки Дурашки были высокие, и я надела предмет себе на голову. Может это что-то вроде шлема? Наверяд ли... Слишком хрупкий. Стрела пробьёт насквозь, даже удар камнем не выдержит. Странно, непонятно, но так интересно. Сняв Дурашку с головы, отбросила в сторону. Звук был глухим, непохожим на стук камня о дерево или лязг металла. Какой-то пустой.

Я всего один день за границей Колыбели, но впервые так часто думаю о пустоте. Неужели она в этом мире повсюду?

Рядом с ногой взгляд выцепил круглый металлический диск с длинной ручкой. Дно было покрыто чёрной, облупив-

шейся коркой, а под ней виднелся металл. Покрутила, повертела, отметила то, что дно было пригоревшим. Что-то для костра? Для приготовления? Или оружие, которым били, ломая кости. Непонятная штука была тяжелой. Вполне могла проломить череп.

Уже устав перебирать Дурашки, окинула дом взглядом. На стенах висели ящики, похожие на те, в которых дома хранились наконечники для стрел, только с крышками. Конструкции свисали со стен под разными углами и, казалось, вот-вот рухнут вниз. Внутри виднелись стеклянные сосуды разных размеров. Какие-то пустые, в каких-то что-то было, но мне не хотелось знать, что именно.

Повернув голову, увидела у дальней стены каркас. Четыре ножки, натянутая металлическая сетка, а на ней куча тряпок. Из похожих Слепцы делали себе одежду. Я поднялась и подошла. Коснулась сетки. Она продавливалась, но держалась. Что это? Для чего? Хранить тряпки? Дернув одну из стопки на себя, подняла в воздух стог пыли и закашлялась, потом дважды чихнула. Сколько пыли кругом... что внутри, что снаружи.

Пора было ложиться спать, и я недолго думая, накидала тряпок прямо на пол. Не мягкая шкура, но сойдёт. Лучше, чем гниющий, влажный пол, заваленный не пойми чем. Я легла на бок, спиной к стене, с копьём под рукой. Мне была видна дверь, и я уставилась на неё, ощущая, что тело напряженно. Я не боялась сражения с кем-либо, будь то Слепец

или зверь, но мне ужасно не нравилась пустота и тишина. Это ужасно давило, и сон не шёл.

Тело требовало отдыха, но мысли метались, как зверь в яме. Перед глазами была Колыбель. Мать, стоящая у своего очага в доме. Тэя, сидящая на валуне и болтающая босыми ногами. Табика, собирающаяся в Нору... Законы, выжженные в костях. Послушание. Уважение. Отвращение ко лжи и слепоте. Этот дом, сосуды, ящики, непонятные штуки.

Люди Эпохи Слепцов не были животными. Они строили, хранили, готовили пищу, носили странную одежду, а затем... Мир решил, что с него хватит. Природа взбунтовалась. Что же стало последней каплей? Что погубило прошлый мир? Слепота? Непослушание и неуважение?

Я закрыла глаза, ощутив навалившуюся усталость. Под веками плясали образы: оленя, сухой земли, не запоминающей шагов, взгляд Деры, полный как вражды, так и жажды чего-то, чего я не понимала.

Тело, наконец, сдалось. Мышцы расслабились, выпуская накопленный за сутки яд усталости. Дыхание замедлилось, пульс выровнялся. Чужой мир не нападал и не был агрессивным. Он просто был. Почти мёртвый, тихий, не запоминающий обитателей и какой-то пустой.

Лучи солнца поползли по полу и подсветили пыль в воздухе. Она танцевала, как искры от костра. Я наконец провалилась в сон и ожидание того, что будет, когда я проснусь и продолжу шагать дальше. Туда, куда мать запретила смот-

реть, но я всё равно взгляну.

Глава 6

Сон стал отдыхом лишь для тела, но не души. Меня зашвырнуло в ту самую яму, с которой всё началось. Сухая пыль мёртвого дома растворилась, уступив место тяжелому, влажному воздуху тренировочных дней. Запах пота, прелой листвы и крови ударил в ноздри, и я поняла, что снова оказалась там, где не была Бейрой Защитницей и Бейрой дочерью вождя. Я была сырой, несформированной глиной, готовой растечься лужей от любого удара.

Вокруг меня, в полумраке тренировочной долины, стояли другие девочки. Их было двадцать. Я не запоминала их имён. Не хотела и не должна была, пока мы были никем. Мы считались просто телами и материалом. Но у меня всегда была тяга к нарушению правил, и мой взгляд искал только одно лицо. Табики. Она стояла со мной в одной шеренге, через две девочки от меня. Бледная, с запёкшейся кровью на скуле, но с карими упертыми и живыми глазами. Сестра бегло посмотрела на меня, но не с мольбой и страхом, который был под запретом, а клятвой. Мы не сломаемся и не потеряем себя полностью.

Череда уроков часто подвергала нашу клятву друг другу опасности, но нам удалось пронести её через года, как бы хорошо по ней ни били палками и ломали.

Один из уроков...

Почерневший, скользкий от утренней росы ствол. Под ним смерть в виде чёрной ямы. Её не рыли специально для нас, она была создана природой, но рука наставниц внесла изменения. Дно было усеяно заточенными кольями, поджигающими тебя остриём вверх. Они, как и наставницы, ждали крови слабаков.

- На одну ногу. Вторую подбери. Руки в стороны. Дыши ровно, - приказы, которые нельзя было не исполнить, впились в мозг и я подчинилась.

Бревно качнулось под босой стопой. Мышцы голени напряглись и задрожали. Ветер налетел сбоку, толкнув меня в плечо, и я покачнулась. Сердце рванулось к горлу, но я устояла в отличие от кого-то. Слева от меня, через одну воспитанницу, девочка сорвалась вниз. Визг. Гулкий, мокрый удар. Хрип. Треск. А затем тишина. Никто не посмотрел вниз. Мы смотрели только вперёд. Помню, как слеза скатилась по коже, но ветер спас меня от наказания и сорвал её с щеки до того, как кто-то из наставниц увидел мою слабость.

Те, кто падал там и оставались, чтобы удушливая вонь мёртвого тела была наглядным примером того, что бывает, когда ты не подчиняешься законам Колыбели и проявляешь слабость. Если вдруг кто-то не насаживался на колья и оставался жив, карабкался обратно и вновь занимал место на бревне. Этот урок продолжался до тех пор, пока не оставались самые стойкие, а вонь из ямы не душила так, что неко-

которые падали вниз от потери сознания. Мы должны были понять, что равновесие это не покой, а контроль. Те, кто выжил, поняли.

В один из уроков Табика стояла рядом со мной. Я ощутила, как её вес смещается. Колено пошло в сторону, и она была близка к падению. Я подалась чуть вбок, еле устояв, но смогла подхватить сестру. Плечо к плечу. Секунда. Один миг, подаривший опору, спас две жизни. Мы были и есть друг для друга всё. Это не забыть, не изменить, не стереть. Наставницы пропустили момент, за который могли наказать нас, и мы облегченно выдохнули, продолжив выживать.

Финальный урок был проведён днём. В самый разгар жары и духоты под ослепительным солнцем. Прелые, гниющие остатки девочек из ямы и рой мух, пирующих на костях тех, кого считали слабаками, уничтожал сильнее, чем разгоряченное бревно под ногой, тяжелый воздух, который отвергал лёгкие и реки пота, стекающие по коже бурным потоком.

Что я вынесла с тех уроков помимо жизни? Привычку постоянно сжимать челюсти от напряжения в попытке устоять на одной ноге над пропастью.

Ещё урок.

Ледяная, грязная вода, залитая в глубокую каменную естественную чашу, куда нас загоняли по пояс, а потом и с головой. Руки наставниц давили на затылки, не давая всплыть.

«Не борись. Подчинись. Прими. Стань водой или умри».

Лёгкие горели, горло сводило спазмом, разум кричал, требовал воздуха, бился о стенки черепа, как птица, попавшая в ловушку. Я хотела расцарапать себе глотку, пинаться, вырваться, но в голове звучал шёпот Табики.

«Считай про себя и думай о том, ради чего всё это. Не ради них, ради нас».

Я считала и думала. Позволяла холоду парализовать конечности и становилась камнем. Камень тонет, но не умирает. Он просто лежит на дне и ждёт, пока его поднимут. Когда руки наставниц, наконец, отпускали мой затылок, я выныривала без кашля и слёз. С пустыми глазами и каменным лицом. Учителя кивали, но без одобрения, а констатируя факт. Жива.

Следствия уроков... Практически постоянный привкус тины, который никогда полностью не уходит с языка, и ненависть к воде. Не страх, ненависть. Я пью её и очищаю кожу с её помощью, но обхожу стороной в любых других случаях. Если я когда-нибудь и заберусь в воду просто так, лишь ради спасения из неё единственного родного человека. Табики.

Урок...

Дорога длиной в тридцать шагов. Она была устлана осколками старого мира: стекло, ржавые изогнутые пластины, битый бетон. Нас так хотели подготовить к великой войне, что даже не побрезговали принести всё это в земли Колыбели.

Нас заставляли ползать на коленях, на ладонях, на животе. Бегать и медленно ходить. Без пауз. Без стонов. Без слез.

«Земля Эпохи слепцов не жалеет. Она требует крови и смерти и лишь забирает, не давая ничего взамен».

Колени превращались в рваное мясо. Ладони скользили по крови и стеклу, а слезы было невозможно сдержать, но они текли вовнутрь, а не по щекам. Нас научили даже этому... Истекать не только кровью, но и невидимыми для наставниц слезами.

Боль была ослепляющей, заполняющей всё пространство между вдохами и мыслями. Я не смотрела на месиво под собой, лишь вперёд. Туда, куда обязана была добраться любой ценой, кроме своей жизни.

Как-то Табика зацепилась коленом за длинный осколок, когда Дера проползла мимо неё и толкнула. Кожа сестры разошлась до кости, но она не вскрикнула. Вгрызлась зубами в губу, пока та не лопнула и не начала добавлять крови в уже разлитую реку. Я подползла поближе и накрыла её руку своей. Прижала свою окровавленную ладонь к её руке и, заглянув в глаза, потащила вперёд. Обменявшись кивками, мы ползли дальше, оставляя за собой красные, широкие мазки. Наставницы молча наблюдали за всеми, как хищные птицы, и будто только и ждали, когда кто-нибудь застынет на месте и рухнет лицом на осколки. Они дождались, но с теми, кто не упал, продолжили новые... учения.

Что подарили мне эти уроки, так наполовину зарубцованные ступни, колени и ладони. Некоторые участки кожи погибли и лишили меня возможности чувствовать. Иногда, на-

ступая на что-то острое, я не ощущаю боли, пока не увижу кровь. И даже тогда, боль не всегда добиралась до сердца. Иногда она так и тонет в тишине и мёртвой коже.

Урок...

Грубая, пропитанная дымом кожаная лента намертво завязывалась на глазах, как и руки за спиной. Нас привязывали к столбам и оставляли на сутки или двое. В темноте, без ориентиров, только ветер, шорох листвы, дыхание других девочек и... голоса. Инструкторы ходили вокруг нас и шептали прямо в ухо.

- Ты слабая.

- Табика уже сдалась.

- Она ушла в Нору, а о тебе забыла.

- Ты умрёшь здесь, и никто не найдёт твои кости.

- Ты окружена ложью, дочь вождя.

- Ты никто, Бейра.

Разум начинал крошиться, как камень при заточке. Галлюцинации рождались из шорохов. Ветер казался чьими-то руками. Тени, которых и видно не было - лицами. Желания сорваться, закричать, сорвать повязку, вырвать руки из плена ощущались физическим зудом, но я цеплялась не за столб. За воспоминания. За тепло руки Табики в моей. За её ломаную улыбку. За голос. За наши с ней цели.

Я отгораживалась от шёпота и строила внутри себя глухую стену, а за ней слушала голос Табики и смех девочек. В этом я находила спасение, но трещины... В моей душе и возве-

дённных стенах все же были трещины.

В следствии? У меня отличный слух и ко мне сложно подкрасться, больше не вижу то, чего нет в темноте, и спокойно переношу лживые речи, потоком льющиеся мне в уши. Но... я не могу уснуть в полной тишине и ощущаю тяжесть в затылке, стоит кому-то позади меня начать шептаться.

Урок...

Раненый зверь или пленник. Неважно. Он лежал в грязи, хрипло дышал, смотрел вверх широко раскрытыми, влажными глазами. В мою ладонь вложили нож с каменным накопечником.

- Убей. Подчинись. Это твой долг. Это закон Колыбели.

Моя рука дрогнула, но не от страха, а узнавания. В глазах розового фламинго я увидела Табику, когда она была в шаге от падения. Увидела себя, когда задыхалась под водой. Увидела всех, кто не выдержал.

- Колебание это могила, которую ты сама роешь, а жалость хуже слабости. Убей. Это приказ, Бейра. Подчинись или умри. Дочь вождя не имеет права на...

Я посмотрела вниз и увидела в птице ребёнка, которого во мне убили. Множество детей, чьи слезы и крики навеки исчезли. Лезвие вошло быстро и точно. Как учили. Рука не дрогнула в отличие от сердца, а тишина, которая наступила следом, осела во мне пустотой. Она отпечталась в душе в тот же момент, как взгляд птицы навеки застыл.

Проклятье таких уроков... Каждую ночь я вижу не лица

убитых мной Слепцов и животных, а своё отражение в их глазах. Я не видела там человека, лишь клинок Колыбели с ярко горящими голубыми глазами.

Кто-то ломался, некоторые плакали, другие бежали, пока их не догоняли и не возвращали к наставницам. Иные становились послушными, идеальными клинками без души. Я не хотела быть ни тем ни другим, ни третьим. Я хотела выжить и, чтобы выжила она.

Табика не была моей сестрой по крови, но она была моим вторым дыханием. Когда мне сломали пальцы, она поила меня отваром из своих рук. Когда нас запирали в ледяной яме, она заставляла меня петь под нос детскую песенку, чтобы мы не уснули.

Когда Совет сказал, что мы слишком мягкие для ритуала и становления Защитницами, мы встали спиной к спине и пролили реки крови им под босые ноги. Мы не были сильнейшими, но были упрямыми. Обучение выковало не два клинка, а цепь. Два звена, закалённых в одном огне.

Что же касалось момента, когда во мне погиб не ребёнок, а дочь женщины, породившей меня, оставив лишь статус будущей преемницы вождя... Можно сказать матери спасибо за то, что она убила часть меня разом, а не растягивала удовольствие как Совет и наставницы. Всё произошло быстро, как бросок кобры на жертву.

Это было в самом начале обучения. Из меня выбивали

остатки непонимания того, что происходит ударами палок. Каждый ложился на кожу, как раскалённый уголь, и прожигал плоть, мышцы до самых костей. Я уже не плакала и не считала количество ударов. Кровь, пот и боль смешались с землёй и образовали корку на месте ожогов. Наставница гаркнула в мою сторону и потребовала подняться, но я не могла, поэтому поползла. Но не к сосуду с водой, не к лекарше, а к ней.

На полпути мне удалось подняться. Ноги подкашивались, колени дрожали, мышцы горели, будто их бросили в костер, но инстинкт был сильнее боли. Он выл где-то в груди. Жалкий, детский, на тот момент знакомый.

«К маме».

Только она. Только её руки, которые когда-то гладили, расчесывали и заплетали волосы. Только её голос, который шептал мне перед сном о том, что я её лучшее творение и гордость. Только она могла объяснить, что происходит. Помочь понять...

Детям до десяти лет не сообщают о том, что их ждёт по законам Колыбели. Они знают, что должны стать Защитницами, но каким способом... нет.

Шатаясь и спотыкаясь о корни, о камни, о тела других девочек, которые сжимали зубы, чтобы не завывать от боли, я побежала. Игнорируя жжение в рёбрах, металлический привкус во рту, пелену перед глазами и тренировочный лагерь, расплывающийся в серую кашу. Крики наставниц и стар-

ших сестер слились в один гул, который я игнорировала, пробираясь сквозь лес и через долину к дому, в котором была она.

Мать стояла возле стены, где висела карта нашего острова из высушенной коры и развешивала связки ядовитых трав для сушки. Она даже не взглянула на меня, пока я не рухнула к её ногам, упав не на колени, а лицом вниз. Я закрыла глаза и ждала тёплой ладони, родного шёпота, взгляда. Рука матери и правда опустилась мне на голову, но не погладила и не утешила. Её пальцы вцепились мне в волосы резко и безжалостно, а затем она дёрнула меня, и я услышала хруст собственных шейных позвонков. Голова запрокинулась, из горла вырвался хрип, а заплаканные глаза встретились с ледяным взглядом... вождя.

- Детство кончилось, - её голос прозвучал не громко, но каждое слово било по черепу, как копьё в сердце будущего ужина. Тоже было и с сердцем. Каждое слово втаптывало маленькое сердце в рёбра и заставляло кровоточить. - И то, что было между нами, кончилось вместе с ним.

Мои губы дрогнули. Хотела сказать «мама», но язык не подчинился. Кровь капала с подбородка на пол, а глаза застилала слезы. Я сморгнула их и ждала, что мать смягчится. Что её взгляд дрогнет, а пальцы разожмутся.

Она не смягчилась. Не дрогнула. Не разжала.

- Ты больше не моя дочь, - продолжила, разжав пальцы так резко, что я снова рухнула лицом на пол. - Ты будущий

клинок, а я рука, что его куёт и держит. Клинок не ищет утешения. Он не плачет. Он не бежит. Он режет и закаляется в бою.

Она шагнула назад. Её тень накрыла меня. Длинная, чужая, отрезающая от прошлого, так точно, как стрела влетает в глазницу.

- С этого момента между нами нет кровной связи. Есть долг. Нет жалости. Есть послушание. Нет слёз. Есть несокрушимый гранит. Если ты упадёшь, я не подниму тебя. Если сломаешься, я не почию. Ты будешь вставать сама или сгниёшь в яме с остальными бракованными клинками. Поняла?

Внутри меня что-то порвалось. Не мышцы и не связки, а невидимая нить, тянущаяся от самого сердца к её рукам, к её голосу, к её лицу. Обрывалась медленно, с тупой, давящей болью, от которой перехватило дыхание и от которой мир сузился до крохотной красной точки.

Я смотрела на её босые ноги, на кожаные ленты, прикрывающие бёдра, на каменное лицо, тело, исполосованное шрамами, которые я когда-то целовала, а она улыбалась. И вдруг поняла, она не жестока, а честна. Колыбель не прощает слабости. Мать убила во мне дочь, чтобы родить Защитницу. Более того, до моей маленькой версии быстро дошло, каким способом я должна ей стать.

Я всегда схватывала налету. Дар или проклятье... Плевать.

С трудом, но я преодолела дрожь в конечностях и подня-

лась. Спина выпрямилась несмотря на адскую боль в мышцах. Я вытерла кровь с губ тыльной стороной ладони и посмотрела вождю в глаза. Не с обидой и мольбой, а принятием.

- Поняла, вождь.

Она едва заметно кивнула. В её глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, но оно тут же погасло, сменившись холодом.

- Иди и помни, никто кроме тебя не спасёт твою жизнь и не выберет спасти взамен своей. Ты одна, Бейра. Отныне и до тех пор, пока не станешь Защитницей. У тебя есть восемь лет. Потрать их с пользой.

Я кивнула и развернулась. С того дня боль больше не была врагом, а стала учителем. Силы выгрызались из собственного нутра зубами, а женщина, что осталась за спиной, перестала быть матерью. Она стала целью. Стать такой же или... превзойти.

Моя маленькая ножка шагнула обратно под цепкий взгляд наставниц. В грязь. В боль. В тишину, где больше не было места детству. Только кровь. Только сломанные кости, содранная кожа и цель.

С того дня я больше не бежала к женщине, родившей меня за утешением. Я бежала только вперёд, чтобы однажды встать напротив, но не как дочь, а как равная. Как клинок, которому не была нужна чужая рука для нанесения удара. Я сама хотела решать кого, как, когда и за что убивать. И, что

я поняла чуть позже, так это то, что Совет был совершенно лишним в нашей общине. Совершенно.

Помню, был момент, когда нам с Табикой было лет по десять и Грета сбросила нас в яму с водой, за слабость и неподчинение. Мы с сестрой

жались друг к другу от холода и вони гнилой листвы и чего-то едкого, что Совет сливал с глиняных котлов после варки прямо в нашу яму. Дыхание сбивалось, зубы стучали друг о друга, но мы позволили себе помечтать. Шёпотом, чтобы лес не услышал и не покарал, как и Совет.

- Мы уйдём, - шептала Табика. Голос дрожал, но не от слабости, а ярости, которую она еле сдерживала, сжимая зубы до скрипа. Её пальцы впивались мне в предплечье, оставляя белые полосы, похожие на следы когтей, но больно не было. Мы держались друг за друга, а это было куда важнее боли. - Когда луна взойдёт, когда Грета и остальные уснут после ужина, мы возьмём мешки с сушёным мясом, фляги, ножи и уйдём. Туда, где нет ям, палок и законов. Где можно спать, не боясь, что тебя разбудят ударом ноги по рёбрам или прутком по коже.

Я молча кивала и чувствовала, как в груди разгорается жажда к жизни. Другой, не той, что была у нас. Пусть среди опасности в виде Слепцов и их гнилых земель, но нам казалось, что там куда лучше, чем в Колыбели.

Мы строили маршрут на земле, рисуя его ногтями по грязи. Обходили сигнальные костры, избегали троп разведчиц.

Думали, что лес за границей примет нас. Что там не будет боли, бесконечных ударов и слез. Думали, справимся с гнилью того мира и сможем найти место, которое станет для нас домом, но потом увидели Лир.

Когда нас выпустили из ямы, разведчицы притащили тело девочки, которая сбежала три дня назад. Она ползла обратно к Колыбели, волоча вывихнутую ногу, и была обнаружена и доставлена прямо к Грете и наставницам.

У Лир были в кровь стёрты пальцы и колени, тело в грязи, глаза распахнуты в ужасе и с мольбой смотрели на Грету снизу вверх, пока губы шептали слова.

«Там нет троп. Там нет воды и еды. Там только тишина и пустота. Я не знала, как добыть огонь. Не знала, как отличить ядовитые ягоды от тех, что можно съесть. Там негде укрыться, и казалось, что я ослепла и оглохла».

Наставницы не стали её добивать, а Грета и вовсе плюнула в её сторону, пройдя мимо. Лиру подняли, как выпотрошенную, уже никому не нужную тушу, и бросили в яму, из которой мы с Табикой только поднялись. Выживет, вернётся в поселение и станет одной из тех, кто ходит в Нору, а если нет... останется в яме, пока от неё не останутся одни кости.

Мы смотрели на всё происходящее и не вмешивались. Не могли. Но тогда мы поняли, что не готовы.

- Не сейчас, - прошептала я тогда, чуть позже. - Мы не выживем там, а глупо умирать не наша судьба.

Табика посмотрела на меня и кивнула. В её карих глазах

плескалась та же ярость, но уже холодная.

- Сначала ритуал, - выдохнула она. - Сначала станем Защитницами. Получим право на выход за границу, на знания и тайны, а потом... - она недоговорила. Не нужно было.

А потом мы собирались решить, сбежать как можно дальше от Колыбели или остаться и уничтожить гниль не Эпохи слепцов, а ту, что звалась Советом и теми, кто видел мир так же, как и они. Мы решили дойти до конца и лишь потом действовать. Тогда, когда станем клинками и будем готовы если не ко всему, то ко многому.

Мы пообещали себе молчать, ждать, терпеть. Усваивать каждый удар как урок. Отпускать каждую каплю крови, как плату за право затем пролить её лично. Мы поняли, что граница это не стена, а умное существо. Оно пропускает только тех, кто знает, как дышать чужим воздухом, как читать следы, как отличить тишину от засады и яд от пищи.

Мы должны были дойти до ритуала не ради Колыбели и одобрения кого-либо, а ради права на выбор.

Ветер заставил гнилые доски над головой заныть, и я распахнула глаза. Воспоминания отступили, оставляя лишь холодную ясность. Я лежала на чужой куче тряпок, в чужом доме и на чужой земле, но ничего не забыла. Мы думали, что предадим Колыбель, но она предала нас первой. Забрала детство и части нас самих, оставив лишь затянувшиеся рубцы и боль.

Теперь, когда я сидела на полу, с ножом Слепца на поясе, с кровью под ногтями и с тайной, скрывающейся в Руинах или на Старом побережье, я чётко знала, что мы с Табикой не сбежим. Я вернусь за ней, когда буду владеть информацией и поделюсь всем, как и всегда. И тогда мы вместе решим, между кем будет война. Между Колыбелью и Слепцами или между двумя звеньями одной цепи и Колыбелью. Есть и третий вариант. Война между тремя мирами. Нашим с Табикой на двоих, Зелёной эры и Эпохой слепоты.

Я медленно поднялась. Кости сухо хрустнули. Тело помнило каждый удар и урок. Разум помнил каждый выбор и цель. Я провела пальцем по вертикальному шраму на груди, а затем сжала голубой камушек. Мой друг дал мне не только Дурашку, но и саму жизнь.

Ещё до начала обучения, моё маленькое сердце не выдержало напряжения и дало сбой. Если бы не тот мальчик, который спас меня, я бы уже давно была поглощена землёй Колыбели. Чем старше я становилась, тем отчётливее понимала, что мне был дан шанс на вторую жизнь не просто так. Это тоже одна из причин, почему я глотала боль и собирала свои кости заново. Я не могла слить его подарок в яму с отходами. Не могла.

Потерев лицо, размяла шею и направилась к двери. Впереди неделя дорог по чужой земле, и что-то мне подсказывало, что это лишь крохотный кусочек предстоящего пути. Я сделала глубокий вдох и вышла за порог. Необходимо раз-

вести костёр и приготовить мясо, а затем найти воду.

Глава 7

Первые два дня я шла не по земле, а будто по тому, что от нее осталось. Трава еле удерживала зелёный цвет и свои стебельки. Деревья выглядели настолько тонкими, больными, мелкими и еле живыми, что я испытывала боль, глядя на них. Я прикладывала к стволам ладони и ухо в попытке ощутить жизнь, услышать, но деревья не разговаривали со мной. Я ожидала за границей реки крови, металла и Слепцов, вымазанных в гнили, но никак не это. Мёртвый, пустой, холодный мир. Мне всё время хотелось обнять себя руками, чего раньше никогда не было, и кожа покрывалась мурашками. Земля не грела, воздух, запахи тоже. Я даже поймала себя на мысли, что было бы неплохо найти зверя побольше и сделать себе более теплую одежду, как у малышей.

Девочки до десяти лет носят закрытое одеяние. Сплошное полотно от плеч до колен, сделанное из тонкой выделанной кожи, но в них ужасно неудобно бегать, прыгать, лазить по деревьям и охотиться. Столь большое покрытие на теле, не даёт ему дышать и свободно двигаться, поэтому как только девочки приступают к обучению, для них готовится новая одежда в виде отдельного комплекта, который растёт вместе с ними. Если, конечно, будущим Защитницам удаётся остаться в строю, а не оказаться в ямах.

Я помню, как сильно мне не нравилось ощущать себя об-

лепленной кожей с ног до головы. Как-то я взяла и разрежала свою одежду, разделив на две части как у взрослых. Помню, как мать впервые в жизни рассмеялась, а затем позволила мне бегать по поселению с голым животом, сделав пояс на бёдрах, чтобы юбка не спадала. Кажется, это было сном...

Сейчас я была довольна своим комплектом. Прочный крепкий лиф на шнуровке, не сковывающий движение, и юбка в виде пояса со свисающими тонкими полосками кожи разной длины и ширины, наложенных друг на друга. Практично и удобно. Полосы раздвигаются и не мешают сидеть, ползать, бегать и плавать. Кстати, о воде... с ней в чужом мире было сложно.

Рек и озёр не было, о чем кричало состояние почвы под ногами, но это было странно. Вода не буйствовала потоком, не питала землю и не могла напоить обитателей леса. Она будто пряталась или не хотела омывать здешние земли. Я не была готова к такому и собирала воду с широких, выцветших листьев ранним утром, слизывая редкие капли, пока солнце не выжгло их. Перед сном также приходилось скручивать редкий мох в жгут и прикладывать к лицу, в попытке умыться. Пока этого хватало, но липкое ощущение того, что я плохо подготовлена, не покидало меня. Мать знала, что мне нечем будет утолять жажду или не догадывалась о состоянии мира, по ту сторону границы? Интересно, но уже не имело никакого значения. Я здесь, она там. С каждым шагом расстояние между нами увеличивалось, и я не испытывала

по этому поводу практически никаких эмоций.

С пищей было проще, чем с водой, но всё равно это не была дичь, к которой я привыкла. Да и найти её было сложнее, так как земля не вбирала в себя следы. Зверьков и птиц почти не было, приходилось есть жирные личинки, найденные под отслаивающейся корой, ползучих насекомых, прячущихся в сухой листве, и пару раз мне попадались мелкие грызуны с острыми зубами и серой шерсткой.

Больших костров я не разводила, так как дым легко мог выдать меня. Освеживывала тушки и готовила мясо, завернув в самые крупные листья, что удавалось найти. Жир таял на языке, отдавая горечью, еле живых листьев, но главным был не вкус, а сила, которую я вбирала из мяса зверя. Личинки и жучков собирала на ходу и ела сырыми. Они были такими странными... Мелкие, суховатые и лёгкие как воздух. В землях Колыбели личинки были размером с палец. Сочные, хрустящие, питательные, а здесь... казалось, что я ела мошек.

Живот издавал странные звуки, видимо, привыкая к пище другого мира, зато тело отлично справлялось. Я то бежала, то шла, часто поглядывая на деревья и понимая, что мне не хватает высоты, ощущения ветра в волосах, чувства полёта. Хотелось взобраться по огромному стволу на самый верх и мчаться по ветвям, перелетая от одного дерева к другому с помощью лианов.

В Колыбели у меня было любимое раскидистое дерево. Я

часто спала на нём и просто отдыхала, наблюдая за полётом ярких пернатых попугаев или восходом солнца.

Как-то мне удалось заметить чёрную пантеру. По закону моего мира убивать этих грациозных и опасных кошек было запрещено. Вождь объяснял это тем, что их осталось очень мало после того, как Слепцы повергли мир в хаос. Многие виды животных, как и растений, исчезли, и мать всегда говорила об этом с болью в голосе. Сейчас, вспомнив это, горько усмехнулась. Еле живая дочь на полу возле её ног, не вызвала в ней ничего, кроме холода. Зато стоило заговорить о природе, так в её глазах вспыхивало пламя.

Плевать... В груди уже не так болит при мысли об этом.

На третий день я почти сразу уловила изменения. Бегала по лесу и не могла понять, что происходит и как это возможно.

Воздух перестал быть сухим и холодным. Он обрёл вес, стал влажным, густым. Пылью больше не пахло, вместо неё я уловила запах прелой листвы, знакомой хвои и чего-то сладковато-кислого, как сок, что тёк по стеблям лианов.

Я опустила на колено и провела пальцами по земле. Она стала темней. Не чёрной, но насыщенной, плотной, живой. Пальцы не скользили по поверхности, а продавливали бороздки. Я подтянула ногу и, впечатав стопу в почву, чуть отстранилась. След остался. Он впился в землю, чёткий, глубокий, с отпечатком каждого пальца. Меня так обрадовало

это, что я даже улыбнулась, несмотря на то, что через пару секунд, земля начала медленно, неохотно, подниматься, заполняя вмятину, но не стирая её полностью.

Я подняла голову. Деревья тянулись к ночному небу и стали в разы выше. Они больше не выглядели палками, а казались воинами. Стволы толще, кора крупнее и рельефней, а трещины на ней закрывал мох. Трава больше не росла клоушками, она была сплошным, зелёным ковром. Густым и пружинящим под босыми стопами. Пространство окрасилось звуками. Где-то вдалеке жужжали жуки, прилетевшая мимо птица коротко крикнула. Вокруг будто просыпалась жизнь, и я закрыла глаза. Нас всегда учили, что лучше всего ощущения во тьме, когда картинка мира не отвлекает внимание.

Я растопырила пальцы на ногах и впилась ими в землю. Слабо, едва уловимо, но мне удалось ощутить ритм дыхания этого мира. Вибрация земли вновь дала о себе знать. Едва-едва, но она позволила уловить её прерывистое дыхание.

Я медленно выдохнула, ощутив, как в груди что-то шевельнулось. Не то чтобы радость, скорее понимание того, что мир за пределами Колыбели не мёртв. Он будто ранен или болен, но он жив.

На четвёртый день я вышла к ручью. Услышала его раньше, чем увидела, и не сразу поверила слуху, но он не подвёл. Вода бежала негромко, огибая гладкие камни, покрытые зелёным налетом, и звала меня. Я рухнула на колени, скинула

колчан и подползла поближе. Опустила ладони в холодную, прозрачную воду и начала жадно пить. Я черпала и черпала, ощущала вкус жизни на языке и не могла поверить чуду. Как же хорошо... Вода была чистой и лучшей находкой за последние дни. Она стекала по подбородку, капала на ноги и дарила удивительные ощущения.

Утолив жажду, вытерла рот и, прикинув маршрут, поняла, что Руины находятся в другой стороне и, возможно, я больше не окажусь вблизи источника, отчего решила слегка освежиться. Ручей был неглубокий, и забраться в него не было возможности, зато омыть кожу от пыли, грязи у меня получилось. Ощутив себя, куда лучше и бодрее, заглянула в отражение в воде и замерла. На меня снова смотрела девушка с яркими голубыми глазами, длинными заплетенными в косички каштановыми волосами, но... её отражение шло рябью и было едва различимо под светом звёзд. Правда ли я видела себя? Такой меня видели другие? Не чёткой, какой-то пустой, грязной. Шлепнув ладонью по отражению, зачерпнула воды и плеснула в лицо. Затем ещё и ещё. Проведя пальцами по лицу, убедилась в том, что глиняные метки стёрлись, и сделала глубокий вдох. Я на чужой земле, и нет смысла выделяться больше необходимого. Слепцы не наносят никакие метки на лица и одеваются иначе, но из двух внешних отличий, проститься я была готова только с глиной из родной земли. Возможно, когда-нибудь мне придётся сменить одежду, чтобы подобраться ближе к цели, но пока...

Я подняла взгляд и застыла. На противоположном берегу, метрах в ста я увидела её. Девушка лет шестнадцати. Одета так же, как и я: кожаный лиф, юбка из лент, набедренные ленты, босые ноги, покрытые землей и царапинами. Но лицо... Лицо было чистым. Ни глины, ни ритуальных шрамов, ни меток принадлежности к тому или иному поселению. Она явно одна из наших, так как в землях Слепцов нет Защитниц, но я не могла понять, из какого именно стойбища и почему была столь молода. Выход за границу разрешен не каждой и уж тем более не тем, кто ещё не прошёл ритуал. Может, сбежала?

У неё была бледная кожа, руки слегка тряслись. Девушка старательно набирала воду в какие-то прозрачные штуки и не обращала на меня внимания. Только когда незнакомка отставила наполненный водой сосуд, а он упал, и девушка потянулась за ним, я заметила, что на её поясе болтались два маленьких птичьих черепка с пустыми глазницами, а кожаный лиф украшали связки с остро заточенными клыками. Странная...

Мне стало интересно. Очень. Кто она? Где живёт? Зачем черепа и клыки? Если она сбежала, то как выживает одна?

- Эй, - голос прозвучал хрипло, после долгого молчания, но чётко. - Тебя как зовут?

Девушка замерла, но её взгляд скользнул по моему лицу, по копьё за спиной, по мешочку на поясе, а затем опустился на колчан со стрелами возле моих ног. В её глазах вспыхнул

страх, который был виден на расстоянии. Она не ответила. Резко вскочила, подхватив всего один сосуд, и понеслась в лес. Через секунду её и след простыл, а я так и сидела на коленях, приподняв одну бровь в удивлении. И что это было? Чем я её напугала?

Может, я ошиблась и она не с наших земель, а здешних? Такое возможно? Подхватив колчан, закинула за спину и поднялась. Я не стала звать девушку снова и не собиралась идти по её следу, хоть такое желание и проскочило.

Взгляд зацепился за прозрачный сосуд на том берегу, и я, не успев додумать мысль, направилась к нему. Прохладная вода нежно ласкала кожу щиколоток, ноги уверенно шли по слегка скользкому дну, а взгляд осматривал чёрные стволы деревьев. Не хотелось бы пропустить стрелу или копье, но я никого не видела и продолжила путь.

Подойдя к сосуду, подняла его с земли и осмотрела. Прозрачный материал, мягкий. Даже наполненный водой, он гнулся и продавливался пальцами, издавая странный звук. Сверху была какая-то маленькая синяя штучка, благодаря которой вода не выливалась, как бы я не крутила сосуд. Неужели Дурашка из Эпохи Слепцов? Взять с собой воду показалось хорошей идеей, только я не могла понять, как открыть сосуд, как бы не дергала крышку. Кажется, так это называется, но я не была уверена.

Тяжко вздохнув, решила взять вещицу с собой, а уже по пути решить, как добраться до воды. Осмотревшись, бро-

сила взгляд туда, где скрылась девушка. В воздухе остался едва уловимый аромат дыма, мяса и сушёных трав. Это натолкнуло меня на мысль о том, что она живет неплохо, судя по всему, а оттого, появился вопрос. Одиночка, не прошедшая ритуал, бродит по земле, на которой живут опасные Слепцы. Девушка бесстрашна или не особо понимает последствия встречи с ними? Развернувшись, начала пересекать реку с мыслью о том, что, возможно, есть и другая причина, но пока неизвестная мне.

Желание узнать как можно больше, подтолкнуло меня вперёд. Я ускорила и, как только добралась до земли, сорвалась с места и побежала. Руины... Мне нужно найти Мора и узнать то, о чем говорила Дера. Также меня интересовала территория с мёртвой землей, которая осталась позади, и свободно передвигающаяся в одиночку девушка. Вопросов было много, а ответов и понимания ноль. Зато воздух, который поглощали лёгкие, во время бега, наконец-то были довольны. Он не душил, а наполнял силой.

Перед сном я развела костёр и пожарила птицу, пойманную по пути. Дичь оказалась крупной, сочной и наконец-то смогла утолить мой голод. Сосуд с водой я победила. Разгадала хитрую систему и теперь знала, что нужно вертеть крышку, а не пытаться вырвать. Догадаться об этом мне помогла пернатая добыча. Когда я свернула птице шею, почему-то сразу подумала о сосуде и, попробовав, получила до-

ступ к воде.

Сытая и уставшая, уже хотела потушить костёр и взобраться на дерево с мощными ветвями, но вспомнила о ране на плече, оставленной Дерой, и потянулась к груди. Скинув лиф, осмотрела плечо. Не очень глубокий, но рваный и ещё не так давно пульсирующий жаром порез затянулся. Изпод частично отвалившейся корки, была видна розовая, натянутая новая кожа. Кашица из лечебной травы сделала дело. Гнили не было, воспаления тоже. Жить буду.

Я провела пальцем по краю шрама, прикрыв на мгновение глаза. Он никогда не исчезнет, как и все остальные. Эта насечка на моей коже не была уроком наставниц или наказанием Совета. Мой первый шрам, полученный за границей Колыбели, но явно не последний. Путь долгий...

Распахнув глаза, осмотрела свою грудь, руки, бедра, голени. Они все были исписаны историей моей жизни в виде штрихов на коже. Каждый напоминал о том или ином уроке или выборе. Каждый был частью меня. Вождь верно говорил, что шрамы это память. Моя всегда была со мной.

Я одела лиф обратно, завязала и поднялась на ноги. Закидав костёр землёй, вскарабкалась на дерево, с удовольствием ощущая шершавую кору, и, повесив колчан на сук, улеглась на ветке. Утром на щеке останется отпечаток трещин, но было плевать. Мне нравилось общаться с природой, особенно с живыми деревьями и птицами. Ни те ни другие никогда не молчали и не позволяли мне утонуть в тишине. Колыбель

никогда не спала и не молчала, чем спасала меня день ото дня. Мой дом. Мой мир. Моя земля.

Закрыв глаза, вспомнила родные места. Колыбель... Для меня она была двуликой, как и мать. Я могла предать её легко и без сожаления, но лишь ту часть, которую считала гнилой. Совет, убивающий детство, ломающий кости и рвущий плоть. Законы, несоблюдение которых, каралось тем же Советом. Ямы, которые использовали для обучения, слива отходов и сброса тел тех, кто погибал, выбрав смерть, а не надлом души. Грету, плюющую в лицо раненым. Мать, которая убила дочь, чтобы выковать клинок.

Но я не могла предать Тэю, дрожащую от страха перед будущим. Она не знала, что её ждёт, но чувствовала нутром. Табику, изгнанную к костру и в Нору. Скоро она будет вынуждена рожать от связи со Слепцами по приказу, но я собиралась вернуться и забрать её оттуда как можно скорее. И... я не могла предать землю и весь окружающий мир. Он прекрасен.

Земля не приказывает. Она предлагает помощь в виде растущих на ней трав, ягод, грибов. Земля не ломает. Она принимает и помогает смягчить удар при падении. Земля не судит по меткам на лице. Она запоминает всех, кто прошёл по ней, не позволяя себе забыть.

Мне нравится мой мир, но чтобы он стал лучше и чище, как того и хотела сама земля, его необходимо было очистить от гнили изнутри. Та часть мира, что за границей, там, где

сейчас была я, тоже не чиста, но пока я не могла найти источник заражения. Не знала, откуда он бьёт, но собиралась узнать.

Вождь и Совет слишком зациклены на Слепцах. Да, угроза. Да, необходимо устранить, но... Они будто забыли о том, что сама земля может разочароваться в нас и стереть со своего лица как надоедливых жучков.

Мне слишком нравилась вибрация земли, шёпот корней, запах дождя, следы, которое можно было читать без букв, деревья, которые стойко держались за жизнь, и животные, которые не лгут, не наказывают, не предают и не ломают. Они просто живут.

Колыбель как долг и закон я хотела уничтожить. Колыбель как саму жизнь, желала защитить. Что из всего этого выйдет пока неизвестно, ведь я не знала картины целого мира. Не только своего. Но это пока.

На шестой день небо, казалось, стало ниже, а воздух гуще. Следы держались часами, так как земля запоминала и не пыталась ничего стереть. Я шла, ощущая, как каждый шаг отзывается в пальцах ног, в икрах, в пояснице. Тело, как и разум, гудели от ощущения приближения к Руинам. Места, откуда я слышала шёпот, но не могла ответить, но скоро всё изменится.

До восхода солнца я нашла небольшую расщелину в скале,

прикрытую переплетением плюща, и решила остаться в ней. Внутри оказалось сухо и безопасно, а пахло камнем и зеленью. Ни зверем, ни металлом. Хороший вариант для ночлега.

Я развела маленький костёр. Сложила пару сухих веток и с помощью искр от удара камень о камень, слегка озарила своё укрытие. Огонь вспыхнул, начал лизать дерево и отбрасывать пляшущие тени. Я прижалась спиной к каменной стене и подтянула к себе одно колено, закинув на него руку. Взгляд следил за маленьким пламенем, а разум готовился к завтрашнему дню.

Оставалась примерно одна ночь пути, и я окажусь на месте. Там, куда мать запретила смотреть, откуда до меня долетал шёпот и куда меня направила за ответами Дера. Я смотрела на огонь и думала не о Слепцах и не о грядущей войне, а о земле.

Почему она везде разная? Почему в Колыбели пульсирует, будто живое сердце, а за границей сначала стирала мои шаги, а затем решила запомнить? Почему одни деревья стоят мёртвыми поломанными стражами, а другие тянутся к небу и выглядят как готовые дать отпор воины?

Земля, как и природа, не бывает несправедливой. Она бывает раненой, отравленной, честной и охраняемой. Что, если земли Колыбели не только в моём мире, но и за её границей? Кто провёл ту черту? Природа или кто-то из Совета? Или Слепцы?

Ветер задул в расщелину, где я укрылась, и принёс запах

влажной хвои, цветов, воды, которая точно была где-то неподалёку, и чего-то металлического, но не ржавого. Я закрыла глаза, дыхание выровнялось, слух ласкал треск от костра, а маленькие тени плясали даже сквозь закрытые веки.

Я сидела, слушала, чувствовала и ждала. Уже завтра я увижу Руины и смогу узнать куда больше того, что было на данный момент. Уже скоро...

Часть 2 Глава 1

Я добралась. Поверить не могла, что наконец-то оказалась там, куда стремилась столько лет. У меня никогда не дрожали руки, но сейчас они именно это и делали. Сжав кулаки, подползла ближе к краю и бросила взгляд на горизонт. Солнце уже взошло, озарив мир светлыми тонами, но я не собиралась искать укрытие и ложиться спать. Только не сейчас. Учения не прошли даром, и я хорошо помнила бессонные ночи, когда нам не давали спать, тренируя выдержку. Сейчас это пришлось как никогда кстати.

Я лежала на холме и, прижавшись грудью к земле, смотрела вниз. То, что я видела, не укладывалось в картину мира, выжженную в моём сознании годами тренировок, речами наставниц, Совета и рассказами матери.

Передо мной не было ржавого металла и руин в виде груды камней прежней эпохи. Я видела живой, кипящий жизнью организм. Огромное поселение, казалось, было больше, чем все наши четыре в Колыбели. Больше, чем я представляла, глядя на карту.

В низовье долины возвышались дома, а не хижины из веток и шкур. Массивные, высокие, крепкие постройки с прямыми углами и ровными стенами. Дома были сложены из досок, как тот дом, в котором я ночевала, но здесь деревянные полотна были широкими, ровными, приставленными друг к

другу без щелей и не выглядели гнилыми. Некоторые дома были полностью из камня, но не из кусков разной величины и формы, а гладкого, сложенного ровными рядами. Крыши прочные, без щелей и дыр. Прямые, под наклоном или треугольные. Окна не были прорезями в стене, они казались её частью и закрывались стеклом. Я хорошо помнила этот материал, столько раз проползая по его осколкам и раздирая кожу в кровь во время тренировок.

Передо мной был целый мир, но не мой. Чужой, незнакомый, но такой интересный. Я приподнялась на локтях и слегка увеличила обзор, так как ветер донёс странные звуки.

Дзинь. Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Ритмичный, тяжёлый, металлический звук сильно привлёк моё внимание, и я поползла к самому краю обрыва, рискуя быть замеченной. Внизу, у одного из домов, я увидела его. Мужчину.

Не сутулый, не измождённый, не в лохмотьях, а крепкий, широкоплечий и высокий. Под загорелой кожей была видна игра мышц, и мне оставалось лишь гадать, откуда они взялись.

«Слепцы слабы, ничтожны и ничего не умеют. Они плохо сражаются в ближнем бою, но хорошо бьют на расстоянии. Не могут создавать, лишь разрушают. Они хрупкие, жалкие и лживые, но в стае, чувствуют себя непобедимыми».

Слова Греты кружили надо мной, как голодные аллигаторы вокруг жертвы, рухнувшей в воду. Тряхнув головой, за-

метила, что мужчина стоял у чего-то похожего на костёр, но не обычный. Огонь полыхал в каменной чаше и, казалось, обжигал даже на расстоянии.

В руке у подозрительного Слепца был какой-то инструмент. Не топор и не нож, что-то среднее. Тяжёлый даже на вид, железный булыжник на длинной рукояти. Он поднимал эту штуку над чем-то, лежащим на каменном столе, и с силой опускал.

Дзинь. Дзинь.

Искры летели во все стороны, пламя и жар были ощутимы даже мне, а мужчина спокойно работал, обливаясь потом, и даже не морщился. Ритмично без суеты, с сосредоточенным выражением лица. Он что-то создавал...

Я не могла отвести взгляд. В Колыбели у нас не было таких инструментов и каменных домиков для огня. Всё оружие создавалось женскими руками, а не мужскими. Мужчины... мужчины не умели ничего, кроме как разрушать. Так, нас учили...

Но этот Слепец создавал. Я видела. Он трудился и не покладая рук что-то мастерил.

Перевела взгляд на поселение, ощущая, как сердце рвано отбивает ритм, который сразу же поглощала земля. Я старалась отогнать любые мысли и просто наблюдать, но...

Народ... Так много людей. Мужчины, женщины, старики и дети. Они ходили между домами, что-то делали, что-то носили, разговаривали и... они улыбались.

Не вымученно, не по принуждению, а в открытую и искренне. Это было так странно... В Колыбели редко про- скальзывали улыбки, так как причин улыбаться как-то особо и не было. Чаше встречались оскалы. Я умела улыбаться, но делала это редко. Лишь когда рядом были Табика, Тэя или природа.

Проморгавшись, ещё раз осмотрелась. Женщина несла плетеную корзину с тканью и улыбалась, наблюдая за тем, как впереди бегала стайка детей. Рядом с ней шёл мужчина и что-то говорил, а затем... они рассмеялись. До меня долетел этот рассеянный, но бьющий в самое сердце звук. Смех... Его звучание в моём мире, казалось, было стёрто и почти позабыто. Взрослые вообще никогда не смеялись, лишь малыши лет до трёх.

Три года жизни в Колыбели убивали смех. Десять лет уничтожали связь матери и дочери. А следующие годы обучения разрывали тебя на части, а затем собирали снова, но уже не так, как прежде. Иначе...

Я осмотрелась снова с целью найти пленников, ямы для наказанных или выстроенный ряд девочек, которые терпели удары древком. Ничего... Никто не был связан, никто не плакал, не выл от боли. Никто не сидел на коленях и не смотрел в землю, боясь поднять взгляд.

Вопросы бились в черепе, как стая птиц, попавших в ловушку и я уже не могла их игнорировать. Как? Почему? Где я? Что здесь за законы? Где Руины? Почему женщины и

мужчины улыбаются друг другу?

Мать говорила: «Мужчины опасны. Они лгут, чтобы проникнуть в сердце. Они используют, насилуют, убивают». Грета шипела: «Они не люди. Они звери в человеческой коже. Обращают в руины всё, к чему притрагиваются». Совет учил: «Мужчина это семя, а не воин. Его место - в Норе, под контролем».

Но то, что я видела... не стыковалось с их словами. Передо мной был целый мир. Жизнь кипела и пульсировала, а земля вибрировала и будто радовалась этому.

Я сжала челюсти до скрежета зубов, будто пытаюсь ухватить всё то, что знала и чем жила, не дав этому всему развалиться.

Я не понимала... Если мать лгала... Если Совет лгал... Если всё, чему меня учили, было ложью...

Нет. Не может быть. Я мотнула головой, отгоняя рой мыслей. Мне не могли лгать. Это невозможно. Я видела, что Слепцы делают с женщинами. Я видела Табику с разрезанными щеками. Слышала смех тех Слепцов, до того как вырезала жизни из их тел. Это было реально. Боль за сестру была реальна. Кровь на моих руках и слезы тех Слепцов, что мы ловили во время учений.

Но... и это... это тоже было реально. То, что видели мои глаза. Я прижалась лбом к земле и прикрыла глаза, ощущая, как меня разрывает на части. Гул в голове мешал слышать собственные мысли, но глухой громкий удар я уловила и под-

няла голову.

Взгляд сразу выцепил крепкого мужчину, стоящего возле поваленных брёвен на окраине поселения. Он отряхнул руки и развернулся в сторону бегущей к нему женщины. Я перезала на земле, ожидая то, что она сейчас достанет нож и набросится на него, но... Мои глаза округлились, а челюсть непроизвольно упала на землю от увиденного. Женщина не убить его хотела, а... отравить. Она запрыгнула на мужчину и, повиснув на его шее, прижалась губами к его.

«Во времена Эпохи слепоты мужчины и женщины целовались. Касались друг друга губами и пускали яд в сердца друг друга. Смерть наступала не сразу. Могли потребоваться годы, но результат всегда один и тот же. Смерть».

Я помнила слова матери и понимала то, что эти двое отравляли друг друга. Долго. Безотрывно. Очень долго. Видимо, так передаётся больше яда... Правда, я не понимала, откуда они его брали. Спрашивала у мамы, но она отмахивалась от меня, как от мухи и говорила, что это уже не важно, ведь Защитницы никогда не поцелуют Слепца. Наши губы не должны быть испачканы в гнили, а яд мы наносим на наконечники и лезвия.

После того как яд был введён, двое оторвали друг от друга губы и... улыбнулись. У меня дёрнулся лицевой нерв, затем дрогнуло веко. Проморгалась, но лучше не стало. Я не могла понять, что происходит. Если ты отравляешь кого-то, значит, ждёшь смерти, хочешь убить. Зачем улыбаться? Они

не скалились в предвкушении. Именно улыбались. По-доброму, тепло. Как матери иногда улыбаются своим дочерям, пока ещё считают тех, таковыми.

От непонимания меня затошнило. Если бы в желудке было что-то помимо воды и ягод, меня бы вырвало.

Что это за место? Руины? Почему женщины и мужчины живут вместе и с улыбками отравляют друг друга? Почему...

Ветер донёс до меня детский смех, и я повернула голову. У одного из домов, на ступеньках играли дети. Мальчики и девочки. Вместе. Они не дрались, не тренировались, а... возводили из деревянных кубиков высокие башни. Те падали, дети звонко смеялись и начинали заново. Вместе...

Одна из девочек лет семи, подняла голову и посмотрела прямо на холм, но не увидела меня. На её лице не отражалась настороженность или страх. Она просто... смотрела на лес позади меня. Мальчик окликнул её, и она отвернулась, а я медленно выдохнула, впившись пальцами в землю.

Я не могу лежать здесь и скрываться в лесу, бродя по округе в ожидании своей готовности. Либо я спускаюсь и получаю информацию, либо разворачиваюсь и бегу обратно в Колыбель, чтобы устроить допрос матери. В случае последнего она попытается убить меня, за то, что полезла в Руины, не выполнила приказ и посмела задавать вопросы. Есть ещё вариант обойти непонятное поселение и направиться к побережью, но... Если Руины оказались не руинами, чем тогда может оказаться Старое побережье? До него очень далеко, и

мне предстоит пройти много километров по неизведанным землям, не зная, кого могу повстречать. Охотник достигает цели не потому, что, он хороший убийца, а потому что получает информацию о добыче, идя по её следу. Вес, вид животного, есть ли ранения, направление движения или начальную точку пути. Информация. Вот, что позволяет достичь желаемого, а я хотела узнать о мире всё. Лишь тогда я буду готова идти дальше.

Я отползла чуть назад, уперевшись ногами в ствол дерева, и медленно, даже слишком медленно поднялась на колени. Затем на ноги. Встала в полный рост и поняла, что специально медлю. Сердце грохотало и билось о рёбра, уже зная решение, а тело пока ещё готовилось к началу спуска в неизвестность.

Ветер едва ощутимо коснулся лица и придал мне сил. Я сделала глубокий вдох, ощутив запах дыма, металла, чего-то мясного и бурлящей жизни в долине. Гнилью не пахло, но это не говорило о том, что её нет где-то рядом.

Пора...

Я сделала шаг, впившись пальцами на ногах в землю, безмолвно прося её о помощи. Затем второй и замерла. Сердце пропустило удар. Слух уловил звук, но не шагов, а скрип кожи. Кто-то был позади меня. Кто-то, кто подкрался так тихо, что даже я, обученная слышать шёпот листвы, не заметила его, пока элемент его одежды не подвёл обладателя.

Тело среагировало раньше мысли. Кувырок вбок. Густая

трава приняла вес, рука за спину, стрела легла в ладонь, тетива возле уха, дерево скрипнуло. Я замерла на колене, направляя острие туда, откуда донёсся звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.